

Прекращение «сдерживающего эффекта»

Представитель по вопросам свободы средств массовой информации

Работа над отменой законов, предусматривающих уголовную ответственность за клевету и оскорбление

Представитель по вопросам свободы средств
массовой информации

Прекращение «сдерживающего эффекта»

Работа над отменой законов, предусматривающих
уголовную ответственность
за клевету и оскорбление

Материалы круглого стола на тему
«Что можно сделать для декриминализации клеветы
и отмены законов об оскорблении»

Париж, 24-25 ноября 2003 г.

Под редакцией
Аны Карлсрайтер и Ханны Вуокко

Вена, 2004 г.

Для оформления обложки использован рисунок *Рука писателя (Des Schreibers Hand)*, принадлежащий перу немецкого писателя, лауреата Нобелевской премии в 1999 г. Гюнтера Грасса. Г-н Грасс любезно позволил нашему Бюро использовать его рисунок в качестве логотипа изданий, выходящих под эгидой Представителя ОБСЕ по вопросам свободы средств массовой информации. Рисунок был создан в связи с написанием романа *Das Treffen in Telgte*, посвященного судьбе писателей в годы Тридцатилетней войны.

Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ)
Бюро Представителя по вопросам свободы средств массовой информации
Kärntner Ring 5-7, Top 14, 2. DG, A-1010 Vienna
Телефон: +43-1 512 21 450
Телефакс: +43-1 512 21 459
Электронная почта: pm-fom@osce.org

Позиция авторов данного издания необязательно отражает официальную позицию Представителя ОБСЕ по вопросам свободы средств массовой информации.

Фото на обложке: Герберт Корн, Вена
Дизайн: Manz Crossmedia, 1051 Вена

Миклош Харати

Миклош Харати <i>Предисловие</i>	7
-------------------------------------	---

Вступительное слово

Робер Менар Демократические страны должны служить примером	11
--	----

Кристоф Пуарель Совет Европы: свобода слова должна восторжествовать	13
---	----

Фраймут Дуве Давайте работать вместе над отменой законов об уголовной ответственности за клевету	17
--	----

I. Обзор уголовно-правового регулирования вопросов диффамации и клеветы в регионе ОБСЕ

Тоби Мендель Аргументы против законодательства об уголовной ответственности за диффамацию	23
---	----

Милена Милотинова Болгария: современная ситуация в области законодательства о диффамации и оскорблении	33
--	----

Ханна Вуокко		
	Схемы и тенденции преследования СМИ в регионе ОБСЕ	37
Весна Алабурич		
	Хорватия: «сдерживающий эффект» гражданско-правовых норм о клевете	41
Зураб Адеишвили		
	Грузия: даже неиспользуемые законы о клевете могут оказывать «сдерживающее воздействие»	45
Андрей Бастунец		
	Беларусь: Конституционный суд постановляет, что уголовное преследование за клевету «необходимо»	48
Эльмар Хусейнов		
	Азербайджан: тяжелые времена для журналистских расследований	50
Александр Кашумов		
	Болгария: диффамация и различия между городской и сельской журналистикой	52
	Дискуссия	57
II. Законы об оскорблении – оскорбление свободы печати		
Клод Муази		
	Отмена законов об оскорблении – одно из основных условий демократии	63

Рональд Ковен		
	Опасность архаичных законов об оскорблении	66
Олег Панфилов		
	Противостояние ограничениям свободы прессы в путинской России	69
Мартин Островски		
	Французский закон о печати 1881 года: еще один отрицательный пример	72
Эльвира Меженная		
	Борьба с преследованием и запугиванием журналистов в Российской Федерации: случай из действительности	76
Слободан Рельич		
	Сербия и Черногория: без независимых СМИ демократия остается фикцией	79
Розлана Таукина		
	Казахстан: усиление давления на критически настроенные СМИ	80
Фатос Лубонья		
	Албания: роль гражданских исков в борьбе с критикой	82
Алексей Симонов		
	Одно дело, противоречащее всем остальным	84
Дискуссия		85

Рекомендации	91
Вводная статья	
Джейн И. Киртли	
Уголовно-наказуемая диффамация: «инструмент разрушения»	95
Авторы и докладчики	111

Миклош Харати

Предисловие

Бюро Представителя ОБСЕ по вопросам свободы средств массовой информации уже вело работу в направлении отмены законов, предусматривающих уголовную ответственность за клевету и оскорбление, когда в марте 2004 года я был избран Представителем. Тем не менее я хочу выразить полную поддержку проведенной работе и отметить заслугу моего предшественника г-на Фраймута Дуве, который своевременно отреагировал на эту растущую проблему.

Я хочу не только продолжить эту кампанию, но и перевести ее на качественно иной уровень, обеспечив ее новыми инструментами. Одним из таких инструментов является база данных, в которую войдут законы о клевете и оскорблении, существующие во всем регионе ОБСЕ. Такая база данных поможет вдохновить государства ОБСЕ на внесение изменений в соответствующее законодательство.

Путь к более совершенному законодательству о клевете будет долгим. Однако логично, что на первом этапе этой кампании необходимо отменить тюремное заключение в качестве наказания за клевету и оскорбление. Лишение свободы за клевету это несоразмерная мера наказания и неадекватная для XXI века реакция на нее .

Следующим логичным шагом будет **«декриминализация»** клеветы (изъятие законов о клевете из уголовного законодательства – *прим. перев.*), действие, которое должно помочь проложить путь к более уместной и цивилизованной реакции посредством применения положений гражданского кодекса. Законы, предусматривающие наказание за оскорбление политиков и государственных служащих высокого ранга и предоставляющие таким образом особую защиту этим лицам, не могут иметь

место в современном демократическом обществе и должны быть полностью аннулированы.

Декриминализация клеветы является нашей промежуточной задачей, а не конечной целью. Опыт показывает, что крупные штрафы могут оказывать на журналистов эффект, не менее «сдерживающий», чем тюремное заключение. Если мы хотим создать условия, позволяющие масс-медиа выполнять свою корректирующую функцию и способствующие развитию критического мышления, многие положения гражданских кодексов должны стать менее жесткими. Иными словами, необходимо смягчение законодательства.

Безусловно, законы о клевете и оскорблении – не единственные законодательные акты, которые могут быть использованы злонамеренно с целью помешать журналисту выполнять свою работу. Избавление от любого законодательного положения, оказывающего ограничительное воздействие на прессу, может показаться утопической мечтой. Однако я глубоко верю, что в ближайшем будущем мы станем свидетелями значительного прогресса в странах-участницах ОБСЕ, по крайней мере, в области отмены тюремного заключения за клевету.

Вступительное слово

Робер Менар

Демократические страны должны служить примером

Я хочу поблагодарить вас, многочисленную аудиторию, за то, что вы приехали сюда, а также выразить особую признательность директору Центра зарубежной прессы (*Centre d'Accueil de la Presse Etrangère*) Шарлю Анри д'Арагону за предоставление помещения для проведения этого «круглого стола» и других мероприятий, проводившихся до него. Вначале я хотел бы подчеркнуть важность данной конференции в рамках ОБСЕ, в первую очередь, потому, что вопросы клеветы и наказания за нее являются частью нашей ежедневной работы в организации *Репортеры без границ*. Нас часто призывают поддержать журналистов, которых посадили в тюрьму или оштрафовали на такую большую сумму, выплата которой может привести к полному закрытию средства массовой информации. В силу этих причин клевета для нас – не теоретический вопрос, а каждодневная проблема. Вам это хорошо известно, поскольку вы боретесь с той же проблемой. Наша дискуссия будет не академической, а практической. Цель данного круглого стола заключается в выработке позиции, которая поможет поддержать свободу слова.

Теперь я хотел бы сказать несколько слов о направлении, в котором, с точки зрения *Репортеров без границ*, нам стоит двигаться. Мы поддерживаем полную декриминализацию клеветы. Клевета должна быть гражданским правонарушением и положения о ней необходимо полностью изъять из уголовного кодекса. В таком случае единственным возмещением ущерба за клевету будет служить денежная компенсация. Мы хотим, чтобы был положен конец приговорам к тюремному заключению, в том числе и условным. В этой связи нам следует также обсудить проблему больших штрафов, которая становится актуальной и в наших демократических странах. Иногда судьи склоня-

ются к тому, чтобы наказать журналистов и СМИ очень большим штрафом – настолько большим, что он может стать угрозой выживанию средств массовой информации. А это недопустимо.

Во-вторых, в центре нашей сегодняшней дискуссии будут законы об оскорблении. По нашему мнению, эти законы полностью изжили себя. Однако, несмотря на прогресс в развитии демократии, достигнутый нашими странами, эти законы все еще существуют в наших законодательных кодексах. Как мы можем мириться с тем, что лица у власти, будь то главы государств или другие избранные народом государственные деятели, благодаря занимаемой ими должности обладают правом требовать наказания лишь за то, что их оскорбили? Мы полагаем, что подобные случаи не должны допускаться даже гражданским правом. Законы об оскорблении – это «откат» назад, во времена французских королей! Я считаю, что такие законы вообще не должны существовать.

Вы можете сказать, что законы о клевете и оскорблении не применяются во многих европейских странах, несмотря на то что они все еще существуют на бумаге. Однако, когда представители властей говорят нам буквально следующее: «Не волнуйтесь, вы же знаете, что за клевету сегодня никого в тюрьму не сажают, равно как и не одно избранное государственное лицо не подаст сегодня в суд иск за нанесенное ему оскорбление. Так к чему все эти дебаты?», можем ли мы принять такой ответ? Я думаю, что нет. Мне кажется, что мы не можем согласиться с таким аргументом по двум причинам. Во-первых, я полагаю, что демократические страны должны служить примером, а во-вторых, потому что страны, не являющиеся демократическими, систематически злоупотребляют фактом самого присутствия таких законов в кодексах демократических стран и используют его в качестве предлога для того, чтобы не реформировать свои законы о клевете.

Кристоф Пуарель
**Совет Европы: свобода слова должна
восторжествовать**

Вначале я хочу поблагодарить Робера Менара и г-на Дуве за приглашение выступить на сегодняшней конференции. В своем вступлении я хотел бы напомнить, что Европейский Суд по правам человека неоднократно подчеркивал следующий факт: свобода выражения мнения и информации, гарантированная Статьей 10 Европейской Конвенции по защите прав человека, подразумевает свободу идей, воспринимаемых не только как благоприятная или маловажная информация или как информация неоскорбительного характера, но также и тех высказываний, которые могут показаться оскорбительными, шокирующими или способны взволновать государство в целом или отдельный сегмент общества. Европейский Суд отчетливо заявил, что таковы требования плюрализма, толерантности и терпимости, без которых демократическое общество существовать не может.

В ряде случаев, переданных на рассмотрение в Европейский Суд, Суд постановил, что приговоры о наказании за клевету, вынесенные национальными судами отдельных стран, противоречили Статье 10. По существу Суд всегда занимал весьма толерантную позицию по отношению к СМИ в ситуациях, когда жесткие вердикты были вынесены вследствие критики, высказанной средством массовой информации в адрес органов государственной власти или отдельных государственных деятелей. Следует отметить, что сегодня даже в Европе некоторые государственные институты до сих пор находятся под особой защитой от оскорбления и клеветы, а представители таких институтов порой готовы укрыться под этой защитой, чтобы избежать критики в свой адрес.

Таким образом, первый ответ на вопрос, содержащийся в теме нашего круглого стола, состоит в следующем: государственные институты и их представители в силу занимаемого ими влиятельного положения в обществе должны принять как должное более высокий уровень подверженности критике, чем рядовые граждане. В современном демократическом обществе органы государственного управления должны быть открыты для критики.

В настоящий момент на уровне Совета Европы готовится проект заявления, утверждающий – или, скорее, подтверждающий – эти и другие принципы свободы выражения и свободы политических дебатов в масс-медиа. Мы надеемся, что Комитет министров примет это заявление в начале 2004 года. Данный проект напрямую затрагивает вопросы, вызывающие у нас беспокойство. В действительности мы наблюдаем ситуацию, в которой отдельные национальные законодательства и вердикты не соответствуют рекомендациям Европейского Суда. В первую очередь, это касается тех законов, по которым за клевету можно угодить в тюрьму. Очевидно, что такое положение дел неприемлемо.

Теперь я хотел бы вернуться к словам Робера Менара о декриминализации клеветы. Я разделяю его мнение. Бесспорно, необходимо декриминализировать эти правонарушения. Однако мы не должны забывать и о том, что взыскание с журналистов несоизмеримо больших штрафов и компенсаций также является немалой проблемой. Как вы без сомнения помните, опыт показал, что в ряде европейских стран соответствующие гражданские иски могут также ограничивать свободу информации. В сущности, большие штрафы зачастую используются с целью обанкротить средство массовой информации.

Опыт нашей работы со странами, входящими в Совет Европы, показывает, что еще один ответ на вопрос, поднятый в теме нашего круглого стола, заключается в следующем: необходимо предоставить информацию и организовать тренинги для национальных судей по вопросам прецедентного права Европейского Суда с целью их ознакомления и последующего

применения в национальных судах основных принципов, разработанных Европейским Судом. Некоторые национальные судьи не знакомы с прецедентным правом Европейского Суда и по этой причине они выносят очень жесткие приговоры в делах о клевете. Уже на протяжении нескольких лет мы проводим обширную работу по организации тренингов для судей из стран, недавно вошедших в Совет Европы. Так, к примеру, мы провели обучающие семинары для судей из Украины и Сербии и Черногории. Однако и области обучения еще многое предстоит сделать.

Мы убеждены, что свобода выражения мнения должна взять вверх над законами о клевете и оскорблении – в этом нет сомнения. В то же время реализация права на эту свободу должна осуществляться ответственно. Должен соблюдаться надлежащий баланс между свободой выражения и ее ответственным осуществлением. Это четко обозначено в Статье 10 Европейской конвенции по защите прав человека. Гарантия, предоставляемая журналистам Статьей 10, касающаяся освещения общественно-важных вопросов, подчинена условию, согласно которому, журналисты обязуются выполнять свою работу добросовестно и предоставлять правдивую и точную информацию, строго соблюдая кодекс журналистской этики. Сегодня необходимо разъяснять журналистам, главным редакторам и владельцам средств массовой информации необходимость проведения расследований и освещения событий в соответствии с профессиональными правилами и кодексом журналистской этики с целью максимально уменьшить риск привлечения к ответственности за клевету. Говоря о необходимости осознания важности этого вопроса, я имею в виду еще и обучение журналистов, а говоря о профессиональных стандартах, я имею в виду еще и кодексы поведения, и учреждение советов прессы, наподобие тех, которые уже существуют в ряде европейских стран.

Помимо разъяснения упомянутых вопросов средствам массовой информации необходимо параллельно вести работу с органами государственного управления. Сегодня в отдельных странах – или в связи с нехваткой знаний, или из-за отсутствия

опыта – наблюдается тенденция поиска решения вопросов журналистской этики законодательным путем. Но, конечно, попытки законодательного регулирования этики могут ограничить свободу выражения мнения. Мы должны объяснить органам власти опасность такого пути. Хотел бы заметить, что Совет Европы уже работает в этом направлении, организовывая тренинги в различных странах.

В заключение я хочу пожелать вам плодотворной дискуссии. Надеюсь, она приведет к практическим рекомендациям, которые Совет Европы сможет принять и реализовать. Мы очень заинтересованы в том, чтобы итоги [этой встречи] превзошли итоги региональной конференции по вопросам клеветы, организованной нами в октябре 2002 года в Страсбурге.

Теперь позвольте от имени Совета Европы поприветствовать г-на Дуве и поблагодарить его за ту неимоверно ценную работу, которую он проделал для укрепления свободы выражения и свободы СМИ в Европе, и в особенности отметить принятые им усилия по решению вопросов, касающихся клеветы и оскорбления, которые мы рассматриваем сегодня. Более того, без г-на Дуве многие случаи нарушения свободы СМИ не были бы преданы огласке. Поэтому с большой благодарностью я хочу пожелать ему всего наилучшего в будущем.

Фраймут Дуве

Давайте работать вместе над отменой законов об уголовной ответственности за клевету

Я хочу поприветствовать всех присутствующих на нашей сегодняшней встрече, организованной *Репортерами без границ* совместно с Бюро Представителя ОБСЕ по вопросам свободы СМИ. Эта встреча посвящена проблеме существования и применения законов о клевете и оскорблении и поиску путей декриминализации клеветы и отмены законов об оскорблении. Мы пригласили в Париж лиц, ставших жертвами вышеупомянутых законов, а также юристов и экспертов по данной проблематике с целью обсудить существующее положение дел и попытаться найти пути изменения ситуации в будущем.

Существование в большинстве стран-участниц ОБСЕ законов, предусматривающих уголовную ответственность за клевету, а также так называемых законов об оскорблении уже на протяжении определенного времени препятствует работе СМИ, так как на журналистов (расследующих, к примеру, случаи коррупции) оказывается давление, особенно в тех случаях, когда в деле участвуют государственные чиновники. Законы, позволяющие привлекать лиц к уголовной ответственности за клевету, применяются с целью защитить высокопоставленных государственных служащих или крупных политиков от критики в их адрес и в тех странах, где специальных законов об оскорблении не существует. Такие законы обеспечивают неоправданную защиту высших должностных лиц. Например, в некоторых государствах-участниках ОБСЕ существуют законы, которые рассматривают «оскорбление» чести и достоинства главы государства, спикера парламента, премьер-министра или других высокопоставленных чиновников как уголовное преступление.

Законы об уголовной ответственности за клевету и оскорбление существуют и в уголовных кодексах западноевропейских государств. И хотя эти законы применяются там редко или не

применяются вообще, само их существование дает повод странам ОБСЕ с менее развитой демократией сажать журналистов в тюрьму за клевету.

Всякий раз, когда я привожу пример, касающийся государства, расположенного к *востоку* от Вены, мне тотчас напоминают о том, что законы, предусматривающие уголовное наказание за клевету, существуют и в странах, расположенных к *западу* от Вены, и что неважно, что эти законы применяются там редко. Так дипломат из одной центральноазиатской страны заметил: «Возможно, они применят свой закон об уголовной ответственности за клевету завтра. Мы же применяем его сегодня».

В замечательной статье профессора Миннесотского Университета Джейн И. Киртли, посвященной истории законов о диффамации, говорится о том, что уголовно-наказуемая клевета «пагубна для демократии, так как она душит инакомыслие и дебаты, карая законную и обоснованную критику государственных чиновников и институтов. Зачастую уголовное преследование клеветы служит одной единственной цели – предоставить правительству и государственным чиновникам возможность, путем запугивания или применения санкций уже после выхода материала, помешать журналистам, ученым и обычным гражданам высказать критические взгляды, которые могут быть признаны оскорбительными или дискредитирующими.

Таким образом, становится ясно, что проблема заключается в самом существовании законов об уголовной ответственности за диффамацию. Не менее очевидно и то, что решение проблемы находится в декриминализации законов о клевете. Вопрос в том, как действовать, исходя из данной ситуации. Я считаю, что не существует одного пути к отмене уголовно-наказуемой клеветы, однако возможно параллельное применение нескольких подходов, направленных на то, чтобы раз и навсегда избавиться от этого «орудия разрушения» свободы печати, как его называет профессор Киртли.

Во-первых, мы все – межправительственные и неправительственные организации, ассоциации журналистов и сами СМИ – должны начать лоббирование выдвигания предложе-

ний и мер по декриминализации клеветы. Если же представители органов власти заявляют о том, что эти законы больше не применяются, мы не должны принимать такой ответ в качестве серьезного аргумента. Если законы о клевете больше не применяются, тогда почему бы не отменить их вообще, сделав таким образом невозможным дальнейшие попытки посадить журналиста в тюрьму по законам об уголовной ответственности за клевету.

Во-вторых, необходимо добиваться участия в лоббировании правительств, а также того, чтобы правительства сами внесли предложения по отмене законов, предусматривающих уголовное наказание за клевету. Мы также должны поддерживать политиков и других официальных лиц в их стремлении стать примером и продемонстрировать намного более высокий уровень терпимости к критике, чем мы наблюдаем сегодня. Критика, звучащая в адрес публичной персоны в СМИ – пусть даже несправедливая – не оправдывает привлечение журналиста к уголовной ответственности по обвинению в клевете. Здесь должны быть очень точно обозначены правила: «Если ты не можешь выносить жар, то тебе не место на кухне».

В-третьих, мы должны убедить судебные органы тех стран, где законы, предусматривающие уголовную ответственность за диффамацию, все еще существуют, воздержаться от вынесения приговоров о лишении свободы, пусть даже условных. Я также хочу предложить странам-донорам, финансирующим проекты во многих государствах-участниках ОБСЕ, в своих финансовых стратегиях учитывать отношение потенциальных государств-получателей грантов к уголовно-наказуемой диффамации.

Мы не решим проблему уголовного преследования клеветы за день или два, или даже за один или за два года. Но давайте начнем работать вместе над тем, чтобы когда-нибудь мы смогли в наконец сказать: ОБСЕ стала семьей государств, не только *заявивших* о поддержке демократии, но и *ставших* демократическими. Свобода слова в них не ущемлена устаревшими и сдерживающими законами, лишаящими масс-медиа воз-

возможности делать то, что они делают лучше всего – стоять на страже общественных интересов.

I. Обзор уголовно-правового регулирования вопросов диффамации и клеветы в регионе ОБСЕ

Тоби Мендель

Аргументы против законодательства об уголовной ответственности за диффамацию

Применение норм об уголовной ответственности за диффамацию является очень серьезным препятствием на пути борцов за свободу слова. С одной стороны, эти нормы однозначно ограничивают свободу выражения и оказывают серьезный «сдерживающий эффект» на журналистику во многих странах, где такие законы не только репрессивны по своей природе, но ими к тому же откровенно злоупотребляют. С другой стороны, соответствующие законы продолжают действовать практически во всех государствах-участниках ОБСЕ, а в отдельных случаях им даже удалось пережить конституционные «атаки». Более того, даже международным правозащитным организациям не удалось принять необходимые решительные меры, направленные на отмену таких законов. Следует начать с разъяснения используемой терминологии. Правовым понятиям *клевета* и *оскорбление* я предпочитаю английский термин собирательного характера – *диффамация*. В английском праве под *диффамацией* понимается утверждение, порочащее репутацию, – как раз то, что предусматривают данные законы. Поэтому, с моей точки зрения, *диффамация* – более подходящий термин, имеющий более широкое значение, чем термины *клевета* и *оскорбление*. Под первым понимается распространение порочащих сведений в перманентной (письменной – *прим. перев.*) форме (в отличие от устной диффамации). Последний же, хоть и не находит частого применения в странах, практикующих прецедентное право, во многих европейских государствах понимается как **суждение** (а не **изложение** фактов).

Позвольте мне для начала обозначить с правовой точки зрения некоторые проблемы, связанные с законами, предусматривающими уголовную ответственность за диффамацию. Самая серьезная проблема заключается в существовании риска уго-

ловного наказания за мирное осуществление права на свободу выражения мнения. Риск лишения свободы, вполне вероятного во многих судебных системах в результате осуждения за уголовно-наказуемую диффамацию, несомненно, оказывает серьезное «сдерживающее воздействие» на свободу выражения мнения, даже если на практике эта крайняя мера применяется редко. Условные приговоры, вступающие в силу при повторном совершении преступления, особенно коварны, так как они представляют собой постоянную угрозу, ограничивающую свободу выражения мнения лиц, получивших условные приговоры. В то же время условные наказания вызывают гораздо меньшее осуждение со стороны международного сообщества, чем тюремное заключение.

За нарушение уголовного законодательства о диффамации применяется и ряд других уголовных мер наказания. Среди них – приостановление действия права на журналистскую деятельность, запрет на работу в определенном виде СМИ (к примеру, в электронных СМИ) и чрезмерные штрафы. В дополнение ко всему, наличие уголовной судимости уже само по себе может стать нежелательной, а иногда и весьма досадной формой наказания в большинстве стран.

Вторая правовая проблема, связанная со многими законами, предусматривающими уголовную ответственность за диффамацию, заключается в том, что, несмотря на свою уголовную природу, эти законы не требуют наличия *злого умысла* для признания лица виновным в совершении уголовно-наказуемой диффамации. Основной принцип уголовного права, имеющий всего несколько исключений (каждое из которых само по себе проблематично), подтверждает невозможность признания кого-либо виновным в противоправном действии при отсутствии *злого умысла*, известного как *mens rea*. В контексте уголовного законодательства о диффамации данный тезис в большинстве случаев должен подразумевать преднамеренное нанесение вреда репутации стороне, заявляющей о клевете или оскорблении в свой адрес. Относительно приведенных в публикации фактов,

дополнительно должно быть доказано, что они являются либо *заведомо ложными*, либо что, по крайней мере, достоверность излагаемых фактов не была проверена по упущению обвиняемого. Лишь немногие уголовные законодательства о диффамации соответствуют этим основным правовым стандартам.

Третья проблема, тесно связанная с вышесказанным, состоит в том, что не многие законы об уголовной ответственности за диффамацию предусматривают, чтобы сторона, считающая, что ее дискредитировали, доказывала все элементы состава преступления. Такое бремя доказывания следует из основного принципа презумпции невиновности подсудимого, и тот факт, что этот принцип зачастую не принимается во внимание, а то и *не соблюдается* вовсе в контексте уголовного регулирования вопросов о диффамации, в высшей степени не соответствует принятым нормам. В исках о диффамации бремя доказывания должно означать, что сторона, подающая иск, должна доказать ложность сделанного в ее адрес заявления, равно как и наличие у обвиняемой стороны *mens rea* – злого умысла, о котором мы говорили выше.

Четвертая проблема, связанная со многими уголовными статьями о диффамации, заключается в том, что заложенные в них нормы предоставляют государственным чиновникам особую защиту. Эта защита может проявляться в различных формах: в вовлечении государственных прокуроров в судебные дела, более суровых мерах наказания за дискредитацию определенных чиновников, а также применении иных стандартов, определяющих диффамацию в отношении этих официальных лиц. Очевидно, что данные законодательные нормы противоречат принципу, неоднократно подтвержденному международными судами и другими институтами, устанавливающими стандарты. Согласно этому принципу, должностные лица должны проявлять большую, а не меньшую, терпимость к высказываемой в их адрес критике, чем обычные граждане.

Хотелось бы отметить также следующее: если указанные выше проблемы будут приняты во внимание, это послужит изъятию наиболее неприемлемых положений из законов, установ-

ливающих уголовную ответственность за диффамацию, и впоследствии, вероятно, приведет к их более редкому применению. Другими словами, если будут решены наиболее насущные проблемы, связанные с уголовным законодательством о диффамации, то, скорее всего, эти законы вообще перестанут применяться.

Позвольте мне теперь обратиться к описанной выше ситуации, которая представляется мне явно противоестественной: несмотря на проблемы, связанные с законами об уголовной ответственности за диффамацию, эти законы продолжают существовать практически во всех государствах-участниках ОБСЕ. Возможно, причина этого явления заключается в непрекращающемся влиянии истории уголовных законов о диффамации, уходящей во времена, когда существовала тесная связь между злом диффамации и злом общественных беспорядков. К примеру, в Великобритании уголовно-наказуемая диффамация появилась в 1275 году как правонарушение *Scandalum Magnatum*, описанное в статье Вестминстерского статута того же года. Данная статья предусматривала, что «...впредь никто не будет настолько дерзок, чтобы осмелиться изложить или опубликовать лживые новости или небывлицы, из-за которых между королем и его народом или великими людьми королевства может возникнуть разлад или появиться повод для разногласия или клеветы».

Представляется, что главной целью введения статьи *Scandalum Magnatum* было поощрение использования мирных способов разрешения конфликта в обществе, в котором постоянно существовали угрозы общественному порядку. Холдсверс в *Истории английского права* отмечает, что цель таких уставов заключалась «не столько в защите репутации магнатов, сколько в сохранении мира в королевстве». Он добавляет, что такая мера защиты «во времена, когда обиженный вельможа всегда был готов обратиться к оружию как к средству возмездия за нанесенную обиду, не была выражением напрасного страха». Верховный суд Канады развил данную идею и постановил, что «в

обществе, в котором доминируют могущественные землевладельцы, [дискредитирующие заявления] могут угрожать безопасности государства».

Таким образом, мы непосредственно подошли к необходимости провести четкую черту между законами о диффамации и законами, цель которых поддерживать общественный порядок и охранять безопасность в государстве. В современное время риск того, что дискредитирующие заявления приведут к беспорядку, пусть даже малому (такому, как драка), достаточно мал, не говоря уже о том, что риск серьезных беспорядков практически невообразим. Не менее важно и то, что сегодня в большинстве государств существуют законы, непосредственно регулирующие вопросы поддержания общественного порядка, что устраняет необходимость использования законов о диффамации с этой целью. Хотелось бы оговориться, что многие из этих законов также проблематичны с точки зрения соблюдения свободы выражения мнения, однако этот вопрос не является предметом нашей сегодняшней дискуссии.

В заключение позвольте затронуть вопрос о международных стандартах в обсуждаемой нами области. Хотя, как было отмечено выше, международные правозащитные организации пока не провели достаточную работу для борьбы со злом уголовно-наказуемой диффамации, имеется увеличивающийся блок авторитетных правовых стандартов, согласно которым, существование законов об уголовной ответственности за диффамацию само по себе или, по крайней мере, применение уголовных санкций за диффамацию, противоречат гарантиям свободы выражения мнения. Международные гарантии свободы слова (как и практически любая конституционная гарантия) позволяют накладывать на это основное право некоторые ограничения; но только тогда, когда эти ограничения соответствуют определенным условиям, т.е. когда они, к примеру, необходимы в демократическом обществе. Необходимость подразумевает как неотложную социальную потребность в таком ограничении, так и его соразмерность. А под соразмерностью понимается то, что для эффективного решения проблемы как минимум

применяются те из имеющихся мер, которые оказывают наименьшее влияние на свободу выражения мнения (а не любые меры, что более значительно ограничивало бы право на свободу выражения мнения).

Опыт стран из разных географических регионов, в которых законы об уголовной ответственности за диффамацию или уже не существуют, или больше не применяются, наглядно демонстрирует, что гражданско-правовые нормы о диффамации наряду с другими средствами защиты чести и достоинства, в том числе и различными саморегулирующими средствами, более чем достаточны для решения проблемы дискредитации репутации. Таким образом, принимая во внимание, что гражданско-правовая защита чести и достоинства оказывает намного меньшее влияние на свободу выражения мнения, чем регулирование данного вопроса уголовными кодексами, существование законов об уголовной ответственности за диффамацию не может быть оправдано, поскольку они ограничивают свободу выражения мнения.

Такая точка зрения отражена в заявлениях, сделанных по данному вопросу рядом авторитетных международных организаций. Однако рассмотреть вопрос об уголовно-наказуемой диффамации в контексте разрешения спора сторон до настоящего времени не представилось возможности ни одному квазисудебному органу, ответственному за вопросы соблюдения прав человека как в системе ООН, так и в трех других региональных системах защиты прав человека в странах Африки, Америки и Европы (за исключением Европейского Суда по правам человека, более подробно о котором будет сказано ниже). Тем не менее, Комитет по правам человека ООН – орган, ответственный за контроль над реализацией Международного пакта о гражданских и политических правах, – при рассмотрении регулярных отчетов о ситуации в странах-членах неоднократно выражал обеспокоенность относительно такого явления, как уголовно-наказуемая диффамация.

Межамериканский суд по правам человека недавно дал согласие на рассмотрение дела коста-риканского журналиста Маурицио Херрера Уллоа, признанного национальным судом виновным в уголовно-наказуемой диффамации. А в октябре 2000 года Межамериканская комиссия по правам человека приняла *Декларацию принципов, касающихся свободы выражения мнения*. В Параграфе 10 данной декларации среди прочего отмечается следующее:

В случае нанесения оскорбления лицу, являющемуся государственным чиновником, общественным деятелем или гражданином, добровольно занимающимся делами, представляющими общественный интерес, защита индивидуальной репутации должна быть гарантирована только гражданско-правовыми нормами.

Специальный докладчик ООН по вопросам защиты права на свободу убеждений и их свободное выражение безоговорочно заявил о том, что лишение свободы не является законным наказанием за диффамацию. Более того, в своем отчете за 2000 год, а затем и повторно в отчете за 2001 год, Специальный докладчик призвал государства, входящие в Организацию, изъять все правовые нормы о диффамации из уголовных кодексов в пользу гражданско-правового регулирования вопросов диффамации. Ежегодно Комиссия по правам человека в резолюциях по вопросам свободы выражения мнения с обеспокоенностью отмечает факт «злоупотребления уголовно-правовыми нормами о клевете».

Начиная с 1999 года три международных мандата, специально созданных с целью продвижения свободы выражения мнения, – Специальный докладчик ООН, Представитель ОБСЕ по вопросам свободы СМИ и Докладчик по вопросам свободы выражения мнения Организации американских государств – проводят ежегодную встречу под эгидой организации *АРТИКЛЬ 19*, на которой принимают Совместную декларацию по вопросам, касающимся свободы выражения мнения. В Совместной декларации, принятой в ноябре 1999 года, вышеназванные представители призвали государства (входящие в состав

соответствующих организаций) отменить существующие в них законы, предусматривающие уголовное наказание за диффамацию. Это же требование было озвучено повторно в аналогичной Декларации, одобренной в декабре 2002 года. Согласно последней, «уголовно-наказуемая диффамация является неправомерным ограничением свободы выражения мнения; все законы, предусматривающие уголовную ответственность за диффамацию, должны быть отменены и там, где необходимо, заменены соответствующими гражданско-правовыми нормами о диффамации».

Данные стандарты изложены в публикации *«Определяя диффамацию: принципы свободы выражения мнения и защита репутации»*, изданной в июле 2000 года *АРТИКЛЕМ 19*. Сборник представляет собой набор принципов достижения равновесия между правом на свободу выражения мнения и необходимостью защиты репутации. Эти принципы были одобрены тремя вышеназванными международными мандатами, а также большим количеством других организаций и отдельными лицами. Принцип 4(а) категорически утверждает:

Все законы, предусматривающие уголовную ответственность за диффамацию, должны быть отменены и заменены, где необходимо, соответствующими гражданско-правовыми нормами о диффамации. Должны быть предприняты шаги для поэтапной реализации данного принципа в тех государствах, где законы, предусматривающие уголовное наказание за диффамацию, все еще применяются.

В действительности Европейский Суд по правам человека никогда не возражал против существования уголовно-наказуемой диффамации как таковой, и в отдельных случаях Суд допустил назначение уголовных наказаний за диффамацию. В то же время Суд открыто признал существование серьезных проблем, связанных с уголовным преследованием диффамации. В связи с этим он неоднократно заявлял следующее (в том числе и в контексте судебных исков о диффамации):

Господствующее положение, занимаемое правительством, обязывает его ограничить использование уголовного судопроизводства, особенно в тех случаях, когда возможно применение других ответных мер в отношении неоправданных нападков и критики со стороны оппонентов или средств массовой информации.

Действительно, Европейский Суд заявил, что уголовные меры наказания должны применяться только в тех случаях, когда государство выступает «в роли гаранта общественного порядка». Мне представляется важным то, что при вынесении приговора за диффамацию Суд поддержал применение уголовных мер наказания только в качестве средства поддержания общественного порядка, а не как способ защиты репутации. Я уже изложил свою точку зрения об использовании диффамации в качестве известного механизма поддержания общественного порядка.

Как бы то ни было, Европейский Суд по правам человека дал ясно понять, что даже гражданско-правовые меры наказания в случае их диспропорциональности нарушают Статью 10 Европейской конвенции по защите прав человека и основных свобод. Отмечая, что наложение суровых гражданских мер наказания за диффамацию нарушает право на свободу выражения, Суд постановил:

Согласно Конвенции, приговор по обвинению в диффамации должен быть в разумной степени пропорционален вреду, причиненному опороченной репутации.

Лишение свободы за диффамацию является очень суровым наказанием, и Европейский Суд ни разу не поддержал такой приговор. Так, именно в отношении уголовного наказания за диффамацию Суд заявил, что уголовные санкции должны применяться только в случае, если они будут являться *«соответствующей, а не крайней мерой»* реагирования на обвинение в публикации порочащих сведений, лишенных основания или распространенных со злым умыслом» [курсив автора].

В случаях, когда Суд поддерживал уголовные приговоры за диффамацию, он старался продемонстрировать, что выдвигает

нутые санкции носят умеренный характер и, следовательно, соответствуют принципу пропорциональности. К примеру, в деле *Таммер против Эстонии* Суд, поддерживая вынесенный приговор, указал на «ограниченную сумму штрафа», которая в данном случае соответствовала десяти минимальным дневным зарплатам.

Исходя из вышеупомянутых решений, мы с определенной долей уверенности можем констатировать, что уголовные санкции за диффамацию противоречат международному праву. Более того, растущий блок правовых стандартов, становящихся все более авторитетными, свидетельствует о том, что уголовно-правовые нормы, регулирующие вопросы диффамации, по самой своей природе, несмотря на примененную меру наказания, являются нарушением права на свободу выражения мнения. Это объясняется существенными причинами. Использовать законы, предусматривающие уголовную ответственность за диффамацию, для поддержания общественного порядка больше не представляется эффективным. Большинство законов об уголовной ответственности за диффамацию имеют серьезные юридические недостатки, и оказывают неприемлемый «сдерживающий эффект» на свободу выражения мнения. Хочу рекомендовать государствам всего мира изъять законы о диффамации из сферы действия уголовных кодексов и, где это необходимо, заменить их соответствующими гражданско-правовыми нормами о диффамации.

Милена Милотинова

Болгария: современная ситуация в области законодательства о диффамации и оскорблении

Позвольте выступить перед вами не только в качестве члена парламента, но и в качестве журналиста. До того, как меня в 2001 году избрали в Национальное собрание Болгарии, я на протяжении 13 лет работала журналистом на Болгарском национальном телевидении.

Хочу вам вкратце описать ситуацию в Болгарии. Согласно Уголовному кодексу Республики Болгария, оскорбление имеет место, если «лицо делает заявление или совершает действие, порочащие честь и достоинство другого лица, в присутствии последнего».

Диффамация имеет место, если «лицо публично делает ложные или порочащие другое лицо заявления или обвиняет другое лицо в совершении преступления».

В моей стране возможно осудить за клевету не только журналиста, но и члена парламента. В сущности именно такая ситуация сложилась в моем избирательном округе: член парламента был трижды осужден по обвинению в клевете и приговорен к выплате компенсации пострадавшим лицам. Как вы сами видите, законодательство о клевете не устанавливает различия между журналистами, политиками или обычными гражданами.

С момента внесения в Уголовный кодекс последних поправок в 2000 году процедуры уголовного регулирования оскорбления и диффамации претерпели отдельные значительные изменения. Так формой наказания за данные правонарушения больше не является тюремное заключение («уголовное наказание лишением свободы») – на смену ему пришел денежный штраф («наказание материального характера») или «публичное порицание».

Размер штрафа варьируется в зависимости от обстоятельств совершения преступления. Так в соответствии с законодательством, если оскорбление

- 1) нанесено публично;
- 2) распространено в печати или с помощью других средств;
- 3) совершено в отношении чиновника или другого официального лица в ходе выполнения им государственной службы (или ее отдельной функции) или связано с ней;
- 4) совершено самим чиновником или другим официальным лицом в ходе выполнения государственной службы (или ее отдельной функции) или связано с ней,

то в связи с большей степенью общественной опасности размер штрафа может быть увеличен, и таким образом может составлять «3 000 левов и более, но не более 10 000 левов и общественное порицание».

В случае диффамации, когда имеет место одно из четырех вышеназванных обстоятельств, предусматривается более суровое наказание: «штраф в размере 5 000 левов и более, но не более 15 000 левов и общественное порицание». Сюда же добавляется и еще одноотягчающее обстоятельство – «диффамация, приведшая к серьезным последствиям».

Согласно Кодексу, если потерпевшая сторона незамедлительно нанесла ответное оскорбление, то суд может освободить обе стороны от несения наказания.

Общим между правовыми нормами об оскорблении и диффамации является то, что и те, и другие исходят из того, что сделанные заявления не соответствуют действительности. По этой причине законодатель предусмотрел некоторые возможности защиты для обвиняемого в диффамации. Так подсудимый не может быть наказан, если удастся доказать, что озвученные публично «порочащие сведения» или «вменяемое в вину преступление» соответствуют действительности.

В 1997 году в упомянутые нормы законодательства было введено положение об уголовном преступлении, заключающееся в следующем:

Лицо, которое опубликует в печати или иным способом публично распространит какие-либо данные или обстоятельства, касающиеся другого лица, или сделает в его адрес обвинения, исходя из информации, полученной нелегальным путем из архивов Министерства внутренних дел, будет приговорено к выплате штрафа в размере 5 000 левов и более, но не более 20 000 левов.

Данное правонарушение, как и два других, относится к распространению информации. Однако критерий достоверности информации здесь не играет роли. Распространение информации, нелегально полученной из архивов Министерства внутренних дел, является достаточным основанием для регулирования вопроса в уголовном порядке. Естественно, что в духе поправок, внесенных в данный раздел законодательства в 2000 году, за вышеуказанное правонарушение теперь предусмотрено «материальное наказание», или штраф.

Также в 2000 году были внесены поправки в положение Уголовного кодекса, предусматривающее в отдельных случаях замену уголовных санкций административными. В соответствии с новой редакцией закона, суд обязан освобождать от уголовного наказания лиц, не достигших совершеннолетия – в то время как, согласно старой редакции, такое решение принималось по усмотрению обвинительной магистратуры или суда. Теперь обязательное наказание заключается в «штрафе размером 500 левов и более, но не более 1 000 левов» в случае наличия трех обстоятельств:

- (а) преступление карается уголовным наказанием в виде лишения свободы сроком не более двух лет или другим уголовным наказанием менее жесткого характера, если оно было совершено умышленно, или лишением свободы сроком не более трех лет или другим уголовным наказанием менее жесткого характера, если преступление было совершено по небрежности.
- (б) в прошлом обвиняемый не имел уголовной судимости в публичном праве и не освобождался от уголовного наказания в соответствии с процедурой, установленной данным разделом;

(в) нанесенный данным преступлением материальный ущерб возмещен.

В перечисленных выше случаях подсудимый освобождается от уголовной ответственности.

Завершая, следует отметить, что в соответствии с Уголовным кодексом Болгарии уголовное дело по обвинению в оскорблении или диффамации может быть возбуждено только в случае, если потерпевшая сторона подала соответствующий иск. По существу эта норма «переносит» уголовное регулирование вопроса в область гражданской юрисдикции и таким образом помогает предотвратить ситуацию давления и угроз со стороны следственных или обвинительных органов в адрес журналистов, добросовестно выполняющих свою работу.

В силу того, что в судах моей страны рассматриваются сотни судебных дел по обсуждаемому вопросу, дебаты о необходимости декриминализации клеветы продолжаются. Проблема заключается в том, как установить необходимое равновесие между свободой выражения мнения, гарантированной болгарской Конституцией, Законом «О радио и телевидении» и другими законодательными актами, и правами людей, чувствующих себя оскорбленными или пострадавшими от той или иной статьи или репортажа.

По примеру стран, в которых этот процесс уже идет, Болгария должна начать обсуждение вопроса о создании журналистами кодекса журналистской этики. Этот кодекс должны написать не законодатели и не политики – его должны разработать сами журналисты для того, чтобы они сами его придерживались. Отдельные неправительственные организации в области СМИ уже участвуют в конкурсе в рамках проекта *Phare*, направленного на поддержку разработки кодекса этики для болгарских СМИ.

В то же время во многих странах действуют советы прессы, в которые могут обратиться граждане, считающие, что с ними поступили несправедливо. Мне кажется, что подобные советы прессы представляют собой прекрасный форум для урегулирования таких проблем.

Ханна Вуокко

Схемы и тенденции преследования СМИ в регионе ОБСЕ

Я хотела бы поделиться с вами своими наблюдениями в качестве сотрудницы Бюро Представителя ОБСЕ по вопросам свободы СМИ, где я на протяжении более чем четырех с половиной лет я курирую правовые вопросы в различных странах ОБСЕ, в первую очередь в государствах Центральной Азии. Я полагаю, что этих четырех лет было достаточно, чтобы заметить определенные схемы и тенденции, складывающиеся в регионе ОБСЕ.

Во-первых, сегодня мы наблюдаем гораздо меньше физического и намного больше правового преследования журналистов. Но не поймите меня неправильно! Журналисты и сегодня подвергаются различным гонениям: в их адрес продолжают звучать угрозы и на них продолжают совершаться физические нападения. Тем не менее, сегодня мы можем говорить о том, что арена действий в значительной степени переместилась в залы судов. Конечно же, разрешение споров в суде лучше, чем избивание журналистов. Однако если преследование является намеренным и осуществляется через суд, прекратить его труднее и намного сложнее подвергнуть его критике.

Теперь нам приходится заниматься правовыми и техническими вопросами обеспечения свободы слова, а также специфическими проблемами конкретных государств. Приходится говорить об апелляциях, о том, насколько независимы судебные органы в той или иной стране, и, в первую очередь, о самом законодательстве. Все зависит от правовой ситуации. Многие иски, которые мы регистрируем, основаны на законах об оскорблении, а также об уголовной и гражданской ответственности за клевету. Журналисту, в отношении которого рассматривается хотя бы одно дело по обвинению в клевете, приходится тратить много времени и сил на урегулирование этого вопроса. Но если над вами «нависло» пять, а может, и двадцать пять таких дел,

то вы уже просто не в состоянии продолжать нормальную работу.

К сожалению, мы видим много подобных случаев в регионе ОБСЕ. Известны множественные случаи возбуждения нескольких судебных дел против того или иного представителя СМИ. Нам даже известны случаи, когда против одного представителя СМИ были поданы десятки исков о клевете. Одним из таких примеров является кыргызская газета «*Столица*», которой в этом году пришлось закрыться.

Я специально использую слово «*преследование*». На каком основании мы решаем, что наблюдаемые нами действия являются преследованием? Конечно же, правительства отрицают существование этого явления. С их точки зрения, такие действия не являются политически мотивированными, а граждане имеют право подавать иски на те средства массовой информации, которые, по их мнению, опорочили их честь и достоинство. По мнению представителей органов власти, все дело в том, что журналисты недостаточно компетентны, а СМИ часто видят свою задачу в преследовании политиков, чьи действия они подвергают критике.

Я полагаю, однако, что по прошествии четырех лет мы можем говорить об определенных схемах. Так мы уже узнаем имена отдельных людей в странах, с которыми мы работаем, – и таких имен немало, а некоторые мы слышим снова и снова. Вопрос всегда касается негосударственных СМИ и часто тех, с которыми мы сталкивались ранее. Обычно эти СМИ испытывали трудности в прошлом, им угрожали, их редакции и сами журналисты подвергались физическим нападениям. В результате в большинстве случаев многим из этих СМИ – газетам, журналам, радиостанциям и телевизионным каналам – приходилось закрываться только из-за невозможности уплатить наложенные на них штрафы.

Как уже отмечалось сегодня во вступительном слове, штрафы и компенсации морального вреда достигли небывалых размеров. Но даже если бы размер штрафа и остался на доступ-

ном уровне, два десятка «нависших над головой» судебных дел могут привести к ситуации, с которой журналисту будет просто невозможно справиться.

Так что же мы можем сделать? На протяжении последних лет Представитель ОБСЕ по вопросам свободы СМИ неоднократно поднимал этот вопрос. Мы поднимали этот вопрос при рассмотрении конкретных случаев. Мы также поднимали его в рамках проводимых мер по внесению изменений в законодательства стран региона. Однако ответ, который мы получали в каждом конкретном случае, всегда был одним: «Почему мы должны менять наши законы, в то время как другие страны их не меняют?» Правовые нормы о клевете до сих пор существуют практически во всех законодательствах стран Западной Европы и во всем регионе ОБСЕ. Даже если они и не часто применяются, сам факт их существования усложняет нашу задачу, если мы хотим убедить, например, Армению или Хорватию избавиться от соответствующих законов, в то время как Ирландия только начинает изменять свое законодательство в этой области.

В последнее время поступили предложения о сохранении уголовно-наказуемой клеветы в законодательстве, даже если соответствующие правовые нормы редко применяются. Предлагается, чтобы данные нормы остались в законодательстве «на случай самого плохого сценария развития событий». Однако этого уже более чем достаточно. Уголовно-наказуемая клевета будет представлять собой угрозу до тех пор, пока она будет оставаться в законодательстве. По крайней мере, Ирландия, скорее всего, отменит законы об оскорблении, и это уже хорошее начало.

В то же время многие государства-участники сохраняют законы о клевете и оскорблении в своем законодательстве. Эти правовые нормы являются устаревшими, однако они все равно присутствуют в соответствующих кодексах, а значит, могут применяться. Возможно, виной всему – лень. Возможно, законодатели не хотят тратить время на то, чтобы избавиться от законов, которые все равно не применяются. Или по причине длительного неприменения последних законодательные органы

не подозревают, что эти законы все еще существуют в кодексах. Тем не менее, достаточно одного присутствия этих норм в законодательстве. Их существование служит оправданием для тех, кто нарушает правила. До тех пор пока эти нормы будут существовать в законодательствах западноевропейских стран, они будут создавать прецедент и «служить примером». Данные законы могут быть в любой момент «возрождены» и использованы вновь – и они всегда будут оказывать «сдерживающее воздействие» на критические голоса.

На протяжении последних лет мы наблюдаем попытки улучшить практику применения законов о клевете. Так были попытки установить «потолок» штрафов. Предпринимались также усилия по приведению размеров судебных пошлин в соответствие с размерами запрашиваемых компенсаций: потерпевшая сторона, требующая выплаты большой денежной компенсации, должна заплатить большую судебную пошлину до момента подачи иска в суд. Мы сталкивались также и с попытками декриминализировать клевету. Общим знаменателем всех этих усилий, однако, оказывается их фиаско. В конечном счете, для того чтобы что-то было сделано, нужна политическая воля. И если кому-нибудь из присутствующих известна ее волшебная формула, пожалуйста, поделитесь ею с нами.

Весна Алабурич

Хорватия: «сдерживающий эффект» гражданско-правовых норм о клевете

Вначале я хочу обратить ваше внимание на один важный факт. Когда пять лет назад я присутствовала на конференции по вопросам клеветы в Хорватии, я с удивлением для себя узнала, что законодательство стран переходного периода, оказывается, более либеральное, чем законодательство стран с так называемой «устоявшейся» демократией. Я считаю, что до тех пор пока законы, предусматривающие уголовную ответственность за клевету, существуют в Германии, Франции или любой другой западноевропейской стране, требование избавиться от соответствующих правовых норм, предъявляемое к странам переходного периода, несправедливо и носит предвзятый характер. По крайней мере, на поверхности хорватские законы представляются мне демократичнее немецкого Уголовного кодекса. Поэтому я считаю, что выбор Хорватии в качестве арены для ведения кампании по отмене законов об уголовной ответственности за клевету и других похожих законов просто несправедлив.

Во-вторых, какую цель мы преследуем в действительности, призывая к декриминализации клеветы? Как ранее заметил г-н Дуве, аргументом в защиту декриминализации является следующий факт: предоставляя такую же защиту достоинству и репутации личности, как и законы об уголовной ответственности за клевету, гражданско-правовые нормы о клевете оказывают меньший «сдерживающий эффект» на свободу выражения мнения. Исходя из этого, наша единственная цель должна заключаться в том, чтобы ввести в действие такие законы о клевете, которые будут оказывать минимальное «сдерживающее воздействие».

Я надеюсь, что все мы согласны с тем, что журналист должен нести личную ответственность за свою работу. Тогда воз-

никает следующий вопрос: «Действительно ли гражданско-правовые нормы оказывают меньшее «сдерживающее воздействие», чем законы об уголовной ответственности за клевету?» Я считаю, что ответ на данный вопрос однозначно отрицательный.

Во-первых, во многих странах уголовное дело о клевете возбуждается в случае подачи жалобы в суд частным лицом. В таком случае *обвинитель* и *обвиняемый* являются, соответственно, *истцом* и *ответчиком* в гражданском деле.

Во-вторых, согласно Гражданскому кодексу Хорватии, равно как и в соответствии с законодательством некоторых других стран, потерпевшая сторона обычно подает в суд на нанимателя наемного работника, нарушившего права другого лица. На самого наемного работника подают иск только в случае преднамеренного причинения им вреда или нарушения права другого лица. В соответствии с Гражданским кодексом, истец судится с издателем, который выплачивает компенсацию за ущерб, нанесенный журналистом, нанятым на работу газетой или журналом, принадлежащим издателю. Таким образом, в процедуре гражданского дела в Хорватии, а также в других балканских странах, в прошлом входивших в состав Народной Республики Югославии (за исключением Боснии и Герцеговины), ответчиками всегда являются издатели.

Если мы декриминализируем клевету и согласимся с тем, что журналист должен неким образом нести ответственность за публикуемую им информацию, тогда единственным способом сделать это будет публично принять на себя вместе с авторами публикуемой информации гражданскую ответственность, или совместную ответственность. Каковы будут последствия таких действий?

Во-первых, журналисты окажутся единственными наемными работниками в Хорватии и в других бывших республиках Югославии (опять-таки за исключением Боснии), несущими ответственность за нанесенный ущерб вне зависимости от того, был он нанесен преднамеренно или нет. Врачи, судьи, полити-

ки и все остальные привлекаются к ответственности только за преднамеренно нанесенный ущерб. И только журналисты в таком случае будут привлекаться к ответственности исходя из других критериев. Будет ли такой закон предусматривать большую или меньшую защиту журналистов и свободы СМИ? Ясно, что это риторический вопрос.

Во-вторых, политики и многие другие общественные деятели Хорватии и других бывших республик Югославии считают журналистов неосведомленными и непрофессиональными. Эти люди полагают, что журналистов надо постоянно проверять и дисциплинировать при помощи правовых норм и процедур. Преследуя эту цель, многие из этих политиков пытались утвердить очень высокий размер компенсации нематериального ущерба. Компенсации таких размеров оказали бы очень сильное «сдерживающее воздействие» на журналистов, особенно имея в виду то, что в большинстве этих стран ни один журналист еще не был приговорен к лишению свободы по уголовному обвинению в клевете.

Две недели назад на конференции в Опатии (Хорватия) журналист из Боснии и Герцеговины заявил следующее: «Я бы предпочел провести три месяца в тюрьме, чем быть приговоренным к уплате штрафа размером в 100 000 евро». Что же действительно лучше с точки зрения журналистов для самих журналистов и свободы СМИ?

Я считаю, что кампания по декриминализации клеветы должна проводиться во всех европейских странах, а не только в странах переходного периода. Сегодня мы также слышали мнения о том, что такую кампанию необходимо начать во всем регионе ОБСЕ. Нам следует очень внимательно изучить юридическую систему и специфическую ситуацию в каждой стране. В конце концов, мы же не хотим заменить плохие законы очень плохими.

Итак, подведем итог тому, что, с моей точки зрения, необходимо сделать. Во-первых, надо провести кампанию по декриминализации оскорбления. Во-вторых, необходимо дать ясно понять, что лишение свободы является абсолютно неадекват-

ным наказанием. В-третьих, необходимо настаивать на очень низком «потолке» штрафов за совершение уголовно наказуемой клеветы. И, в-четвертых, законы о диффамации должны быть изменены таким образом, чтобы они соответствовали правилу «виновного намерения», упомянутому Тоби Менделем.

По существу я приветствую кампанию по декриминализации клеветы, поскольку я считаю, что эта кампания поможет нам в Хорватии изменить соответствующий закон об уголовной ответственности за диффамацию. Сегодня, по словам журналистов моей страны, человека могут лишить свободы за выражение мнения и публикацию правдивой информации, а также за распространение идей и информации, принадлежащих другим людям, через интервью или репортаж.

Зураб Адеишвили

Грузия: даже неиспользуемые законы о клевете могут оказывать «сдерживающее воздействие»

Вначале я хотел бы подчеркнуть, что мирный переход власти в Грузии был возможен только благодаря свободе слова, предоставленной нашим гражданам. В то же время необходимо отметить, что многие нормы грузинского законодательства не соответствуют международным стандартам и многие принятые судами решения уже оказали значительный «сдерживающий эффект» на прессу. Тем не менее, граждане Грузии в определенной степени действительно располагают свободными СМИ, в первую очередь, в силу отсутствия административного ресурса в тех государственных органах, которые в состоянии принять меры по запугиванию СМИ или ограничению свободы слова.

В Уголовном кодексе Грузии, как и в соответствующих законодательствах других постсоветских стран, содержатся положения о клевете и оскорблении. В 1999 году, во время обсуждения нового уголовного кодекса, по вопросу отмены законов об оскорблении и декриминализации клеветы шли большие дебаты. Один из основных аргументов, выдвинутых Государственной комиссией по вопросам реформирования против изъятия соответствующих норм из законодательства состоял в том, что законы о клевете и оскорблении существуют в законодательствах многих западных демократических стран. В итоге нам, однако, удалось прийти к соглашению, согласно которому, правовые нормы об оскорблении были изъаты из уголовного кодекса, в то время как применение положений о клевете было значительно ограничено. Но самое главное заключается в том, что Уголовный кодекс Грузии больше не предусматривает лишение свободы за клевету – наказанием в таком случае могут быть только штрафы и исправительные работы.

В соответствии с поправками, внесенными недавно в грузинское законодательство, заявление может считаться клеветническим только в случае, если оно является ложным, если оно

сделано преднамеренно или если в этом заявлении другая сторона обвиняется в совершении преступления. Диффамация преследуется в уголовном порядке только в случае соблюдения вышеназванных условий. Все другие случаи рассматриваются как обычные гражданские дела о клевете. В случае такого правонарушения законом предусмотрена особая судебная процедура. Обвинение может быть инициировано только стороной, пострадавшей от клеветнического заявления, и не может быть выдвинуто государственным прокурором. Досудебное расследование не проводится, и обычно прокурор не участвует в судебных слушаниях, за исключением редких случаев, когда потерпевшая сторона настаивает на его присутствии. Бремя доказывания лежит на потерпевшей стороне, а по отношению к обвиняемому журналисту применяется принцип презумпции невиновности. В силу названных причин выиграть уголовное дело о клевете в Грузии очень сложно. Поэтому грузинские общественные деятели предпочитают использовать другие возможности, предусмотренные грузинским законодательством, – к примеру, подавать частные иски в гражданские суды.

Хотя в нашем уголовном кодексе присутствуют положения о клевете, ни один журналист, однако, еще не был осужден по соответствующим статьям. Ни одного дела, находящегося в процессе рассмотрения, в наших судах также нет. В прошлом попытки осудить журналиста по обвинению в клевете предпринимались, однако все такие случаи были разрешены обоюдно между сторонами вне суда.

Это все, что мне хотелось сказать о грузинском законодательстве о клевете. С момента отмены в 1999 году в Грузии закона об оскорблении не было зарегистрировано ни одного дела об обвинении в оскорблении. Хотя в 1998 году был случай, когда был вынесен приговор о лишении свободы сроком на два года за оскорбление президента Грузии Эдуарда Шеварднадзе. (Я до сих пор называю Шеварднадзе президентом, поскольку он им был, когда я родился. Шеварднадзе находился на посту президента более 30 лет, в связи с чем у нас сложилась привыч-

ка называть его президентом). К счастью, данный приговор суда был впоследствии смягчен и заменен одним годом условного наказания. Таким образом, в целом в Грузии на данный момент было только одно дело об оскорблении и ни одного дела по обвинению в клевете.

Хотя законы о клевете, имеющиеся в Уголовном кодексе Грузии, не применяются, я убежден, что они все равно могут оказывать «сдерживающее воздействие» на свободу СМИ. Поэтому я надеюсь, что наш будущий парламент отменит эти законы и что клевета в Грузии будет полностью декриминализована.

Андрей Бастунец

**Беларусь: Конституционный суд постановил,
что уголовное преследование за клевету
«необходимо»**

В Уголовном кодексе Беларуси имеется пять статей, касающихся вопросов клеветы и оскорбления, две статьи общего характера и еще несколько статей, защищающих честь и достоинство Президента и других высокопоставленных чиновников. Две статьи общего характера предусматривают наказание в виде двух лет лишения свободы, хотя клевета в адрес президента может караться тюремным заключением сроком до пяти лет. В прошлом году три журналиста были осуждены за оскорбление чести и достоинства президента Лукашенко, и до сих пор в суде на рассмотрении находится еще одно дело.

Белорусская ассоциация журналистов начала кампанию за отмену трех статей уголовного законодательства, касающихся клеветы в адрес президента и высокопоставленных должностных лиц, и с этой целью направила петицию в Конституционный суд страны. Решение суда от 8 августа 2003 года довольно интересно. Во-первых, Суд постановил, что защита деятельности государственных органов и чиновников является делом первостепенной важности, и именно по этой причине, заявил Суд, соответствующие статьи о клевете были внесены в Уголовный кодекс. Во-вторых, с целью оправдать не только существование статей о клевете в уголовном законодательстве Беларуси, но также и сроки лишения свободы, равно как и размеры штрафов за вышеупомянутые преступления, Конституционный суд Беларуси сослался на существование подобных законов в Польше, Литве, Латвии, Испании и Германии.

Конституционный суд также заявил, что суды Беларуси имеют право на различную интерпретацию законодательства в зависимости от конкретно рассматриваемого дела. Суд также принял решение о необходимости отказаться на практике от

рассмотрения дел, касающихся критики – но не клеветы! – в адрес государственных чиновников. Согласно постановлению Суда, следует уклоняться от рассмотрения дел такого характера и критика такого рода не должна рассматриваться как преступление, в виду чего санкции в таких случаях должны быть уменьшены. Недавний иск против одной из газет был действительно рассмотрен в свете такого решения Суда.

Я хотел бы добавить, что Белорусская ассоциация журналистов поддерживает декриминализацию трех упомянутых мною статей. Мы полагаем, что в таких случаях должен применяться Гражданский кодекс. В то же время, как мы уже слышали сегодня, меры наказания должны быть пропорциональны правонарушению. Также остаются актуальными и многие вопросы о штрафах и компенсациях морального ущерба. Осуждение журналиста может происходить на двух уровнях. Поэтому первостепенно важно установить «потолок», максимальный уровень, различных видов наказаний, особенно денежных штрафов.

Эльмар Гусейнов

Азербайджан: тяжелые времена для журналистских расследований

К сожалению, я также представляю страну, в которой позиции демократии и свободы слова недостаточно сильны. В 1992 году в Азербайджане была официально отменена цензура, хотя проблем с цензурой как таковых у нас не было и до того момента, поскольку издания, которые могли бы создать какие-либо проблемы, просто не печатались.

Уголовный кодекс Азербайджана предусматривает три типа правонарушений, имеющих отношение к нашей сегодняшней дискуссии, – клевету, оскорбление и оскорбление главы государства. Соответствующие статьи часто используются с целью преследования журналистов. Поэтому то, о чем я говорю, не является голой теорией. В 1999 году меня самого посадили в тюрьму. Меня приговорили к лишению свободы сроком на полгода, но благодаря общественному давлению через 30 дней меня освободили. В последующие годы многие журналисты были осуждены за клевету. С тех пор, к счастью, такие случаи больше не повторялись, так как власти решили применять более мягкие меры наказания, т.е. штрафы. Однако проблема остается, так как размер штрафов постоянно растет. Были многие случаи, когда средства массовой информации не могли уплатить штраф и в результате становились банкротами. А отдельные случаи вообще вызывают недоумение. К примеру, судья спросил журналиста, имеется ли у того ценное личное имущество. Журналист ответил: «Да, у меня есть стол времен короля Луи IV». В итоге суд отдал этот стол государственным служащим в качестве компенсации. Такова ситуация в моей стране.

Теперь о диффамации. Необходимо кое-что очень четко обозначить. Я не знаю ни одного случая, когда рядовой гражданин Азербайджана обратился бы в суд в связи с посягательством

вом на его честь и достоинство. Данный вопрос не имеет ничего общего с правами и свободами граждан. По существу практически в каждом случае диффамации инициатива идет от государственного чиновника или представителя какой-либо властной группы. Обвинения в адрес журналистов выдвигаются всегда, когда журналисты пытаются расследовать дело о коррупции, настолько распространенной в Азербайджане, что трудно провести границу между ней и властью. Я тоже не совершил ничего уголовного, но был арестован и осужден – как я упоминал, судья приговорил меня к шести месяцам лишения свободы. В ответ на мою жалобу о незаконности такого решения, судья по существу сказал: «Да, так оно и есть, но такое решение приняли наши власти». Как вы сами видите, говорить о том, что суды или отдельные судьи в Азербайджане действительно независимы не представляется возможным.

Вы задаете вопрос, должны ли западные государства реформировать свои законы о клевете и диффамации? Я согласен с предыдущим выступающим и считаю, что существование таких статей в западных правовых кодексах дает соответствующим органам власти в наших странах предлог для манипуляции судебными процессами о диффамации. Так, ссылаясь на пример Европы, они утверждают, что, поскольку статьи о клевете и диффамации существуют также и в законодательствах европейских стран, то, следовательно, они могут быть применены и в нашей ситуации. Однако в действительности дело обстоит иначе. В наших странах такие законы используются только для того, чтобы пресечь попытки журналистов высказать критические замечания в адрес высокопоставленных чиновников. В связи с этим я хотел бы напомнить тем участникам конференции, которые считают, что данный вопрос касается лишь области права и теории, о том, что в некоторых наших странах принцип разделения власти отсутствует. А если не существует разделения власти между исполнительной и законодательной ветвями, то правительственные органы могут использовать свою монополию на власть и законодательство с целью подавления свободы слова.

Александр Кашумов

Болгария: диффамация и различия между городской и сельской журналистикой

Говоря о проблеме диффамации в Болгарии, необходимо, во-первых, изучить проблемы, связанные с самим законодательством, во-вторых, ознакомиться с правоприменительной практикой в этой области и, в-третьих, следует обратить внимание на родственные законы и правоприменительные практики.

В первую очередь, важно рассмотреть вопрос в его специфическом контексте. В Болгарии, как и в некоторых других странах Юго-Восточной Европы, коррупция находится на достаточно высоком уровне. Более того, в стране, чья судебная система не располагает достаточными средствами для эффективной борьбы с коррупцией, общественное мнение, а следовательно, и уровень информированности общества о деятельности правительства являются единственными орудиями этой борьбы. В данной ситуации вопрос свободы выражения мнения и свободы информации, вероятно, играет еще более важную роль, чем в странах со здоровой, устоявшейся, демократией.

В таких условиях свобода выражения мнения идет рука об руку со свободным потоком информации, в первую очередь, из правительственных источников. Другая особенность нашей страны заключается в том, что журналисты в сельской местности подвержены большему риску предстать перед судом по обвинению в диффамации – и понести более суровое наказание, – чем их коллеги в столице. По сути дела журналисты в столице находятся в гораздо лучшей ситуации. В столице суды менее охотно принимают решения в пользу политиков и чиновников и более осведомлены о стандартах в области прав человека, в частности о Европейской конвенции по защите прав человека. В то же время центральные средства массовой информации, на которые работают журналисты в Софии, сильнее, богаче и

влиятельнее. Государственные чиновники имеют это в виду и проявляют большую осторожность при инициировании дел о диффамации. В результате такого отличия между Софией и другими регионами страны в обществе имеются серьезные опасения, что деятельность общественных деятелей за пределами Софии менее транспарентна и менее подготовлена к естественному противостоянию коррупции, присущему культуре гласности.

Как отметила г-жа Милотинова, в результате внесенных в 2000 году изменений в закон о диффамации, это правонарушение больше не преследуется *ex officio* – наказание в форме лишения свободы заменили штрафами. Однако штрафы представляют собой очень суровый вид наказания. Размеры штрафа колеблются в промежутке 500-1500 евро в случае признания виновным в нанесении оскорбления, и в пределах 1500-3500 евро – в случае распространения ложной информации. Однако самое плохое заключается в том, что диффамация, совершенная в отношении государственных чиновников наказывается еще более суровыми мерами – штрафом размером до 7500 евро. Такой штраф является непомерным, особенно для журналистов из сельской местности, где заработки обычно достаточно низкие. Среднемесячная зарплата в Болгарии на сегодняшний момент составляет чуть больше 100 евро. Даже минимальный штраф оказывается довольно высоким для большинства журналистов. Более того, практика уменьшения размера штрафа судом достаточно редка.

Ситуация со штрафами в Болгарии схожа с ситуацией в Хорватии, как ее описала Весна Алабурич. Некоторые болгарские журналисты отмечают, что предпочли бы рискнуть свободой, – до 2000 года обвинительные приговоры в делах о клевете практически всегда заменялись условными. В противовес этому наказания в виде штрафов никогда не бывают условными. Таким образом, создается представление, что лучше получить более суровое, но условное наказание, чем более мягкое, но приводимое в действие наказание. Другим важным элементом, характерным для стран нашего региона, является возможность со-

вместить в одном судебном процессе уголовное преследование и гражданские санкции за причинение ущерба. В случае признания виновным журналист вынужден платить дважды – и государству, и пострадавшей стороне. Такая возможность подталкивает истца к требованию и того, и другого.

Серьезность этих проблем подтверждает и тот факт, что после внесения изменений в Уголовный кодекс в 2000 году число исков о диффамации против журналистов не уменьшилось. Согласно исследованию, проведенному Болгарским Хельсинкским Комитетом, в 2001 году в болгарском судебном производстве на рассмотрении находилось 115 дел. В марте 2003 года количество таких дел возросло до 131, причем большинство составили дела по уголовным обвинениям в клевете – их число достигло 70. Последняя цифра также выросла по сравнению с показателем 2001 года, который равнялся 60. Однако наибольшую обеспокоенность вызывает тот факт, что 42% дел было инициировано должностными лицами. Также имелись отдельные дела, возбужденные на основании исков политиков и бизнесменов.

Применение более суровых уголовных санкций за диффамацию совершенную в отношении государственных чиновников определенно противоречит стандартам, установленным Статьей 10 Европейской конвенции по защите прав человека. В то же время, как я отметил ранее, это объясняет наличие большого количества таких дел. Возможность совмещать уголовное преследование с требованием компенсации морального вреда в рамках гражданского процесса в одном деле может стать еще одним стимулом для подачи соответствующих исков. Результатом этого станет вероятность того, что коррупция и неправомерные действия государственных чиновников останутся неизвестными для общественности по причине «сдерживающего воздействия», которое оказывают такие санкции.

Иногда судебная практика вносит свою лепту в существование этой проблемы. Некоторые механизмы защиты, признанные Европейским Судом по правам человека, нечетко прописаны

ны в национальном законодательстве и как следствие не соблюдаются судами. Таким образом, складывается ситуация, когда не всегда применяются такие стандарты, как баланс интересов, защита при отсутствии у обвиняемого злого умысла, пропорциональность между ограничением и предполагаемой защитой, эффективность и достаточность ограничения права и т.д. Происходит ли это по причине имеющихся в законодательстве недостатков, или из-за отсутствия положительных прецедентов, или же в связи с живучестью устаревшего сознания – не известно. Однако многие судьи при рассмотрении дел по обвинению в диффамации продолжают придерживаться позиции, согласно которой, их задача заключается в том, чтобы установить, совершал ли подсудимый преступление. Они не считают необходимым задаться вопросом, должен ли инцидент рассматриваться как уголовное преступление, а также, какие механизмы защиты наиболее уместны в данном деле. Иными словами, подход судей к таким делам базируется не на осознании спорности вопроса ограничения основной свободы, а, скорее, на необходимости вынесения вердикта уголовному поведению. Нетрудно понять, почему такие судьи не испытывают желания привести конфликт интересов в равновесие. Необходимо осознать существование такого метода мышления, если мы хотим, чтобы положение дел изменилось.

Последний аспект касается законов в смежных областях и соответствующей правоприменительной практики. Парламент Болгарии предложил проект поправок в Уголовный кодекс, согласно которым разглашение государственной тайны будет караться более суровыми мерами наказания. Данный вопрос очень тесно связан с вопросом прозрачности деятельности государственных чиновников. Как заметил утром г-н Дуве, в этом и заключается вся проблема. Деятельность должностных лиц может быть защищена либо законом о диффамации, либо законом о государственной тайне. А почему бы и нет? В Акте о защите секретной информации имеется длинное определение государственной тайны, но нет четкого списка правовых интересов, охраняемых данным законом. В силу этого при помощи

данного закона государственные чиновники могут добиться практически тех же привилегий и защиты своих собственных интересов, как и в случае с законом о диффамации. Опять-таки вопрос касается ответственности каждого, а не только тех, кто охраняет государственную тайну. В то время как в данном случае опубликованная или распространенная информация может оказаться и правдивой, налагаемые санкции, тем не менее, намного более суровые чем те, которые используются в делах о диффамации, хотя в последнем случае вероятно распространение вопиющей лжи. Более того, в большинстве дел о диффамации проблема заключается в доказывании правдивости опубликованной информации. Даже если закон о диффамации в целом неплохой, проблема все равно остается, если мы будем рассматривать этот закон на ряду с другими существующими ограничениями права на свободу выражения мнения.

Тоби Мендель: Я всегда неохотно занимаю позицию, противоположную мнению Весны, по многим причинам, в первую очередь, потому что я ее уважаю. Однако я вынужден не согласиться с первым тезисом Весны о том, что несправедливо с нашей стороны требовать от Хорватии то, что мы не требуем от других стран. Я принципиально не согласен с этим. Мне представляется опасной ситуация, когда содействие в поддержке прав человека вызывает обвинение в несправедливости. Ведь несправедливо настаивать на том, что, если кто-то один нарушает права человека, то все остальные могут поступать так же. Данный тезис я использую в качестве основного аргумента, когда пытаюсь возразить отдельным правительствам, использующим предлог, подобный тому, который мы сегодня уже слышали: «Да, наш закон жесткий, но в нем нет ничего плохого, поскольку такой же существует и в Германии, и во Франции». Мы не можем оправдать нарушения прав человека ни при каких обстоятельствах. Оправданной является лишь наша критика таких правонарушений.

Весна Алабурич: Мне нравится Тоби, и я всегда с ним соглашаюсь. Я согласна и с тем, что он сказал только что, – возможно, он просто неправильно меня понял. Все же английский для меня неродной язык, и, вероятно, я не совсем четко выразила свою мысль. Конечно же, я согласна с тем, что если в Хорватии существуют проблемы со свободой выражения мнения, то необходимо требовать изменения законодательства. Однако я хотела подчеркнуть, что правительство Хорватии, равно как и правительства других стран, прислушаются к такому требованию и воспримут всю кампанию по изменению законодательства намного лучше, если она будет нацелена на все страны – на Германию в такой же мере как и на Хорватию. Вот все, что я имела в виду.

Тоби Мендель: Весна, я думаю, что все присутствующие согласны с тем, что данный вопрос должен стоять на повестке дня всего региона ОБСЕ. Поэтому мы и пригласили на конференцию экспертов из всех государств-участников ОБСЕ, а не только из стран к востоку от Вены.

Милена Милотинова: Я хотела бы добавить одну деталь, которую мы упустили в нашей дискуссии, – продолжительность судебных процедур в отдельных странах. В Болгарии и, как мне кажется, во многих других странах судебные дела могут длиться более пяти лет. В таком случае даже при наличии соответствующей правовой базы чрезмерно затянутые судебные процедуры могут оказывать другую форму давления, которая будет повлиять на обе стороны – как на журналиста, так и на потерпевшего. Когда судопроизводство длится несколько лет, журналист начинает задаваться вопросом: «О чем же я должен писать? А о чем мне писать нельзя?». Постановка перед самим собой таких вопросов представляет собой конечную форму цензуры. С другой стороны, так же несправедливо и то, что потерпевшей стороне приходится ожидать восстановления репутации на протяжении пяти – восьми лет. Когда судебные процессы тянутся так долго, свобода выражения мнения представляется иллюзорной целью.

Весна Алабурич: Я хотела бы заметить, что иногда долгие, а порой, и затянутые судебные процедуры могут «помочь» средству массовой информации, и такое даже случилось в Хорватии. У нас имелись дела, начатые более десяти лет назад. За это время некоторые истцы сами предстали перед обвинением в Гааге и в судах Хорватии или даже оказались в тюрьме. Десять лет назад защитникам средств массовой информации было практически невозможно доказать, что опубликованная информация является достоверной. Теперь же некоторые из этих дел проще выиграть, поскольку времена изменились, а вместе с ними изменилась и ситуация в области СМИ.

Зураб Адеишвили: Я согласен с Весной в том, что длительные судебные процессы иногда могут помочь средству массовой информации. У нас в Грузии был похожий случай, когда один

очень влиятельный человек оказывал давление на суд. Однако, спустя три года этот человек покинул свой пост, и средство массовой информации выиграло дело. Я думаю, что в некоторых наших странах затянутое судопроизводство обычно «помогает» масс-медиа и не обязательно нарушает свободу выражения мнения.

Милена Милотинова: Возможно, в ваших странах медленное ведение судебного дела не является проблемой. Однако для таких стран, как Болгария, где и суды, и журналисты действительно независимы, затянутые судебные процессы – очень проблемный вопрос. Общаясь с журналистами в Болгарии, я не слышала о том, что такая ситуация действительно причиняет им значительный вред.

Тоби Мендель: Я не совсем комфортно себя чувствую, обсуждая задержки в судопроизводстве и то, как длительные, а порой, и чрезмерно затягиваемые процессы могут «помочь» СМИ. Я считаю, что справедливость всегда должна восстанавливаться быстро. Если диффамации как таковой не было, то средство массовой информации должно быть незамедлительно оправдано. Однако если, исходя из стандартов, представляющихся нам уместными, – т.е. на основании справедливых законов – акт диффамации все-таки *имел место*, то средство массовой информации должно понести соответствующее наказание, а репутация потерпевшей стороны должна быть восстановлена. Здесь я хотел бы упомянуть, что одним из поддерживаемых нами в *АРТИКЛЕ 19* методов решения этой проблемы является саморегулирование: средство массовой информации пересматривает сделанное им заявление и публично приносит извинения или публикует исправленную информацию. Мы полагаем, что тем самым непосредственно затрагивается суть проблемы. Если изложенные устно или опубликованные в печати факты недостоверны, то незамедлительное исправление этих фактов максимально уменьшает степень причиненного вреда. Именно поэтому мы должны поддерживать такой метод решения проблемы. Быстрое реагирование в таких вопросах при наличии соответствующих структур в принципе является оптимальным решением.

II. Законы об оскорблении – оскорбление свободы печати

Клод Муази

Отмена законов об оскорблении – одно из основных условий демократии

Меня зовут Клод Муази. Я член совета организации «*Репортеры без границ*» (*Reporters sans Frontières*). Я работал журналистом во многих странах мира на протяжении многих лет жизни. В ходе утренней дискуссии мы установили, что ситуация на самом деле не настолько проста, как нам представлялось, и что декриминализации клеветы не решает всех проблем. Сегодня утром мы слышали и о том, что в отдельных случаях после декриминализации клеветы ситуация прессы ухудшилась, поскольку в то время как наказание в виде лишения свободы часто было условным, пришедшие ему на смену громадные штрафы практически никогда не бывают условными и могут вывести из бизнеса многие медиа-компании.

Проблема, касающаяся второго вопроса нашей повестки дня – законов об оскорблении чести и достоинства главы государства и других государственных чиновников, более проста. Представляется, что все защитники свободы слова практически единогласно рекомендуют отмену любых законов об оскорблении. Похоже, с таким решением вопроса согласны все.

Всем вам известно, что главным аргументом в пользу отмены законов об оскорблении является основной принцип демократии. Законы об оскорблении – это пережиток прошлого, наследие времен абсолютной власти. Тогда считалось, что держатель власти получил свою власть от Бога как божественное право, и он не может подчиняться тем же законам и подвергаться критическому надзору, как простые смертные. Законы об оскорблении предоставляют «чрезмерную» защиту чиновников у власти по сравнению с защитой, предоставляемой законами о клевете обычным гражданам. Поэтому отмена этих законов является вопросом демократии и защиты основных прав человека.

В отношении лишения свободы за клевету (и в еще большей степени это касается законов об оскорблении) сегодня ут-ром мы отметили следующее: соответствующие законы представляют опасность, даже если они не применяются в большинстве западных демократических стран, а просто существуют в законодательстве. Факт существования соответствующих правовых норм используется менее либеральными режимами в качестве аргумента против изменений в законодательстве: «А почему эти законы не могут присутствовать в наших уголовных кодексах, если они есть в уголовных кодексах Франции, Германии и других стран?» Поэтому крайне важно, чтобы эти законы исчезли из законодательств западных стран.

Есть еще один сильный аргумент в поддержку отмены законов о клевете. Привлечение к ответственности журналистов за то, что они вызывают гнев представителей власти, является одним из самых больших препятствий для демократического диалога и общественных дебатов. Если у журналистов нет возможности свободно работать, обычные граждане не могут пристально следить за работой государственных должностных лиц. К тому же, государственные чиновники при этом не испытывают необходимости обеспечения прозрачности в выполнении своей работы. Те, кому власть дана народом, и кто правит от имени народа, должны быть подотчетны своему народу. Любая страна, стремящаяся к демократии, или желающая стать более демократической, должна отменить законы об оскорблении, так как они предоставляют представителям власти чрезмерную защиту, создавая тем самым препятствие для открытых общественных дебатов.

Я не думаю, что здесь необходимо цитировать различные решения Европейского Суда по правам человека или приводить фразеологию, используемую Судом в делах о диффамации в отношении государственных чиновников. Однако я позволю себе подчеркнуть следующее: Суд неоднократно заявлял, что стоящие у власти должностные лица должны подвергаться больше-му общественному контролю, чем частные лица. Вместо того чтобы довольствоваться большей защитой, предоставляемой за-

конами о клевете, органы власти должны быть, скорее, менее защищены по сравнению с обычными гражданами.

Рональд Ковен

Опасность архаичных законов об оскорблении

Мой друг из *АРТИКЛЯ 19* Тоби Мендель предложил нашему вниманию правовой анализ определения «законы об оскорблении». В публикации Мирового комитета свободы печати «*Законы об оскорблении – оскорбление свободы печати*» предлагается следующее определение данного термина:

Законы об оскорблении – это законы, предоставляющие особую защиту от так называемых оскорбления, обиды или выражения гнева, презрения или неуважения, совершенных в отношении главы государства и других официальных лиц любого ранга, а также в отношении государственных институтов и органов – парламента, полиции и вооруженных сил, а также в отношении государственных символов (флаг и герб), или в отношении государства или нации в целом...

В соответствии с законами об оскорблении посягательство на «честь и достоинство» государственных чиновников, государственных органов в целом и национальных институтов считается преступлением.

Я рассматриваю законы об оскорблении в свете приведенного выше определения. Следует также напомнить хорошо известные слова судьи Верховного суда США, который в контексте обсуждения непристойного поведения отметил следующее: «Я не могу дать определение этому явлению, но когда я с ним сталкиваюсь, я знаю, что это именно оно». Я думаю, то же самое в определенной степени относится и к законам об оскорблении.

Перед тем как пойти дальше, я хотел бы поблагодарить Фраймута Дуве за проведенную им работу в области уголовного преследования диффамации и оскорбления. В течение своего пребывания в должности Представителя он всегда находился в авангарде борьбы с этими законами. Г-н Дуве всегда без коле-

баний выступал против таких законов. И хотя мы не всегда приходили к согласию по всем вопросам, позвольте мне выразить ему большую благодарность. Хочется надеяться, что последователь г-н Дуде подхватит его знамя и продолжит борьбу, направленную на отмену этих законов, с той же силой, с какой это делал он.

Надежда на то, что эти законы могут быть отменены в регионе ОБСЕ и в других регионах, не является утопией. Многие страны в различных частях мира официально признали, что существование и применение этих законов сегодня не оправдано, и что они должны быть изъяты из соответствующих кодексов. В то же время вышеупомянутые законы продолжают существовать в демократических западноевропейских странах, и даже если их применение ограничено демократическими традициями, они предоставляют другим государствам, которые хотели бы сохранить, а в большом ряде случаев и использовать эти законы, благовидный предлог для таких действий.

Хотя уголовно-наказуемая клевета и законы об оскорблении различаются между собой, на практике в большинстве стран это различие становится менее четким, так как обвинение в уголовно-наказуемой диффамации обычно предъявляет государственный прокурор, который может представлять только государственных чиновников, а не частных лиц. Таким образом, несмотря на то, что отличие между данными типами законов нечеткое, необходимо их различать.

Позвольте предложить вашему вниманию пример того, как наличие этих законов может принести вред даже в такой стране, как Франция. В 1996 году, будучи президентом Ирака, Саддам Хуссейн привлек к суду выдающегося журналиста Жана Даниеля из *Nouvel Observateur* за посягательство на свою честь и достоинство. Адвокаты Саддама Хуссейна хотели представить дело в суде как дело *частного лица* Саддама Хуссейна, однако французские судьи на это заявили следующее: «Нет, Саддам Хуссейн не может во французском суде участвовать в процессе в качестве частного лица, поскольку он является главой государства, и подпадает под защиту положений французского

Закона «О печати» 1881 года, предоставляющего защиту именно главам государств. Поэтому он должен подавать иск на основании предоставленной законом специальной защиты главы государства».

К счастью, адвокаты Саддама Хуссейна не последовали предложению французского суда. Однако по существу судьи предлагали следующее: «Хотя данный закон сегодня обычно не используется, мы предлагаем вам воспользоваться им». Я надеюсь, что этот пример наглядно показывает, насколько опасно сохранять положения о клевете и оскорблении в даже в законодательствах стран с демократическими традициями, где такие законы уже долгое время не применяются.

Я думаю, что не случайно президенты Франции, поклявшись, что никогда не будут использовать Закон 1881 года для собственной защиты, не ищут путей для его отмены. Они хотят сохранить этот закон, который, как Дамоклов меч, всегда можно будет использовать, если им покажется, что на их честь и достоинство было совершено серьезное посягательство. А право определять, было ли совершено такое посягательство, всегда остается за ними.

Сегодня необходимо начать интенсивную кампанию в поддержку реформы законодательства не только в тех странах, где соответствующие правовые нормы существуют и применяются, но также и там, где они являются лишь анахроничным аппендиксом и не применяются на практике. Однако, как нам всем хорошо известно, аппендикс в любой момент может воспалиться и уничтожить весь организм. Соответствующие законы должны быть отменены не только в тех странах, в которых они регулярно применяются, но и там, где они не используются, но служат удобным предлогом для других государств. Я надеюсь, что мы очень четко обозначим этот момент в наших рекомендациях.

Олег Панфилов

Противостояние ограничениям свободы прессы в путинской России

Поскольку я не юрист, начну свое выступление с одного советского анекдота, который имеет отношение к обсуждаемому сегодня вопросу. Гражданин Советского Союза и гражданин Америки приехали в Париж в поисках свободы слова. Американец говорит: «Я свободный человек – я могу подойти к Белому Дому и сказать, что президент Рональд Рейган – дурак». Советский гражданин отвечает: «Я тоже свободный человек – в любое время я могу подойти к Кремлю и сказать, что Рейган – идиот».

Сегодня журналисты в Российской Федерации боятся рассказывать подобные анекдоты о членах правительства и других влиятельных государственных чиновниках, так как во многих случаях за подобные рассказы их привлекали к суду. По существу, социально-политическая ситуация в России сильно изменилась. Изменения произошли в сентябре 2000 года, когда Владимир Путин подписал 36-страничный документ под названием «Доктрина информационной безопасности России». Данный документ не является ни правовым документом, ни законопроектом, ни принятым законом. По существу это программа политического курса нового президента в области информации. Статья о клевете и оскорблении в Уголовном кодексе Российской Федерации существовала и до этого, однако она не использовалась с большим энтузиазмом до подписания вышеупомянутого документа. Сегодня журналистов привлекают к суду намного чаще – количество соответствующих исков значительно возросло за последние несколько лет. В соответствии с данными, полученными нашей организацией, Центром экстремальной журналистики, в 2000 году в суды было подано 19 судебных исков против журналистов, столько же исков было подано и в 2001 году; в 2002 году – 31 иск, а лишь в первой половине 2003 года

– более 20 судебных исков против журналистов. Мы полагаем, что за этим стоит определенная политическая воля, и хорошо понимаем, что сегодня происходит в Российской Федерации. В эпоху президентства Владимира Путина журналисты подвержены преследованию. Это новая ситуация. В свое время Ельцин никогда не причинял прямого вреда журналистам, в отличие от Путина, который судится не только с российскими, но также и с французскими журналистами.

Теперь я хотел бы сказать несколько слов о предпринимаемых нами усилиях по противостоянию такой ситуации. Наш Центр организует семинары, в ходе которых мы рассказываем журналистам о том, как они могут противостоять сложившейся ситуации. Мы пытаемся помочь им лучше понять суть их профессии и те изменения, которые в ней произошли. К сожалению, большинство журналистов в России – все еще советские журналисты. Они много лет проработали в советской прессе, и на них наложили отпечаток советские стереотипы. Для этих журналистов до сих пор характерен советский способ мышления, глубоко уходящий своими корнями в эпоху социализма. Поэтому мы решили сосредоточить наши усилия на молодых журналистах в возрасте до тридцати лет, на которых не лежит печать советских стереотипов и которые более открыты для восприятия нашей информации. Мы подготовили для них пособие на русском языке, которое можно найти на нашем Интернет-сайте. Пособие представляет собой программу, в которую вошли многие идеи *«Репортеров без границ»*.

Я думаю, что очень важно рассказывать российским журналистам о методах противостояния давлению. К примеру, когда один российский журналист был обвинен в клевете, мы пригласили корреспондента газеты *«Таймс»* присутствовать на рассмотрении дела в суде и написать об этом статью. После публикации материала с российского журналиста были сняты обвинения в клевете. Статья повлияла на ситуацию, не оказав прямого влияния на судьбу. Она оказала давление на администрацию района, а, судья, по большому счету, тоже является частью администрации. Так что можно сказать, что материал дей-

ствительно повлиял на принятое судом решение. Существуют также и другие пути и возможности. Мы пытаемся рассказывать о них не только российским журналистам, но и журналистам из других стран. Для этого мы организуем семинары по всему региону СНГ. Вы уже слышали сегодня выступления наших коллег из Беларуси и Азербайджана. Перед вами выступит и наша коллега из Казахстана. Мне кажется, что советский тип мышления будет существовать еще долгое время, и мы еще долго будем смеяться над советскими анекдотами.

Мартин Островски
**Французский Закон «О печати» 1881 года:
еще один отрицательный пример**

Хотя Франция и является государством с устоявшимися демократическими традициями, ее нельзя назвать примером для подражания в области правового регулирования вопросов клеветы и оскорбления. Как заметил ранее Клод Муази, отмена наказания в виде лишения свободы не обязательно означает, что все законы, оказывающие воздействие на свободу печати, изъяты из уголовного законодательства. На самом деле был сделан только первый шаг. И нам предстоит еще многое сделать, чтобы привести наши законы в соответствие с демократическими стандартами.

В этом вопросе Европейский Суд по правам человека (ЕСПЧ) указал нам на путь, по которому надо следовать. Ссылаясь на Статью 10 Европейской конвенции, ЕСПЧ однозначно заявил, что свобода выражения мнения имеет силу не только в случае изложения мыслей, воспринимаемых как благоприятная, безобидная или нейтральная информация, но и в случае изложения тех идей, которые могут волновать или шокировать. Таковы требования толерантности и плюрализма, без которых не может существовать ни одно демократическое общество. Утверждение о том, что принцип свободы выражения мнения распространяется на любые идеи – даже на те, которые могут шокировать, оскорблять или волновать – является истинной гарантией свободы выражения мнения. Безусловно, свобода выражения мнения в такой крайней форме является предметом роскоши, которым мы, члены западного демократического общества, обладаем. Однако большинство государств-участников ОБСЕ еще этого не достигли, поскольку свобода выражения мнения в них зачастую так или иначе ограничена. Тем не менее есть определенная сфера вопросов, в которой мы единодушны. Это сфера правонарушений, которые в английском языке мы назы-

ваем «оскорблениями» – «*insults*». В первую очередь, к ней относятся *посягательство на честь и достоинство* глав государств и правительств и *неуважение* или *оскорбление* в адрес *дипломатов иностранных государств*. Такие законы должны быть удалены из законодательства.

Во Франции диффамация представителей органов власти или государственных служащих рассматривается в рамках общих положений о диффамации или в рамках положений о клевете. Иными словами, специальных правовых норм для защиты государственных служащих или общественных деятелей не существует. Единственное отличие заключается том, что штраф в случае осуждения за диффамацию вышеназванных лиц может быть выше.

Однако во Франции существует проблема, связанная с правовым регулированием случаев оскорбления глав государств и правительств и зарубежных дипломатов. Существование специальных правовых норм для каждого отдельного случая является вопиющим фактом. Данные нормы представляют собой пережитки прошлого. Они являются наследством времен монархии, когда существовали законы об «оскорблении монарха» (*lèse-majesté*). Это преступление подразумевало словесные нападки или оскорбление в адрес короля. Соответствующий закон, весьма специфичный для французской системы, лишает журналистов, которых привлекает к ответственности глава государства (в том числе и иностранного) права на защиту, известную во французском праве как «*защита правдой*»: право журналиста доказать, что опубликованная им информация является достоверной.

В 2002 году Европейский Суд вынес приговор против Франции в деле о ежедневнике *Le Monde*. В связи с публикацией статьи об окружении короля Марокко французский суд признал газету виновной. В статье, основанной на отчете организации *Geopolitical Drug Observatory*, говорилось о том, что представители окружения короля Марокко имели отношение к торговле наркотиками. В соответствии со Статьей 36 французского Закона «О печати» 1881 года такое заявление является посяга-

тельством на честь и достоинство, или, скорее, оскорблением главы иностранного государства. Поскольку журналист не имеет права публиковать такую информацию, глава иностранного государства оказывается под особой защитой. В силу того, что никому не разрешается вызывать недовольство главы иностранного государства, журналисту, обвиняемому в таком правонарушении, не разрешается даже представить доказательства, подтверждающие истинность сделанного им заявления.

Оскорбление французского государства является правонарушением такого же рода, однако соответствующая Статья 26 не применялась с 1976 года – с того момента, когда президент Жискард д'Эстен сделал следующее заявление: «Впредь я не буду привлекать журналистов к судебной ответственности за посягательство на честь и достоинство глав государств». И хотя ни один последующий президент не воспользовался данной статьей, она все еще существует. Таким образом, если однажды один из наших президентов сочтет необходимым воспользоваться ей, он сможет это сделать, применив ее или злоупотребив ею, так как посчитает нужным. Поэтому давайте будем бдительными, всегда оставаясь на чеку: многие битвы уже завершены, но война еще не закончилась. В настоящий момент во французском парламенте идет обсуждение законопроекта, разработанного с целью борьбы с коррупцией путем предоставления исполнительной власти больших ресурсов. Законопроект предлагает отменить Статьи 36 и 37, в которых речь идет об оскорблении глав государств и правительств, а также иностранных дипломатов. В законопроекте, конечно же, не идет речи об оскорблении в адрес главы французского государства. Европейский Суд поднимал вопрос о необходимости приведения нашего законодательства в соответствие с Европейской конвенцией по защите прав человека и основных свобод посредством отмены ряда существующих правонарушений, в прошлом приведших к вынесению Европейским Судом решений против Франции. Франция движется вперед, но не по собственной инициативе. Пока это все, чего мы достигли. Будущее покажет, про-

двинемся ли мы вперед в отмене этих законов, которые действительно устарели и должны исчезнуть.

Эльвира Меженная

Борьба с преследованием и запугиванием журналистов в Российской Федерации: случай из действительности

Позвольте сказать несколько слов о моей ситуации. Я являюсь генеральным менеджером телевизионного канала «Ярославль 1» в Российской Федерации. У нас сложились очень плохие отношения с представителями органов власти, поскольку в наших телесюжетах часто освещаются вопросы коррупции. Очевидно, что отдельные чиновники из региональной администрации не хотят, чтобы в эфир шла информация, которая может быть воспринята как критика в их адрес. Мне было предъявлено обвинение в клевете. Судебный процесс длился целый год. Мое дело рассматривал судья, находившийся в подчинении Министерства внутренних дел. В ходе рассмотрения дела был отмечен целый ряд нарушений: на свидетелей оказывали давление и допрашивали их таким образом, чтобы они давали ложные показания или делали заявления против своего желания. Меня тоже допрашивали. Мне предъявили ордер на арест, согласно которому меня могли арестовать в любом месте Российской Федерации, куда бы я ни поехала, и даже за пределами страны при содействии Интерпола. Мои телефонные разговоры прослушивались и проводились обыски моих личных вещей.

Я считаю, что против меня было организовано такое преследование с целью испугать меня как журналиста, а вероятно, и других журналистов. Это был, можно сказать, своеобразный метод запугивания, который как таковой оказался очень успешным. Хочу еще раз подчеркнуть – и, с моей точки зрения, этот вопрос не подлежит полемике – ни одна из стран, претендующих на звание демократических, не должна иметь статью о диффамации в своем уголовном кодексе. Этот вопрос подводит меня к следующему – вопросу о защите.

Как мы можем защитить себя? С точки зрения стороннего наблюдателя, я нахожу опыт этого года очень полезным. Я получила хорошие уроки, приобрела опыт и узнала о том, что происходит в журналистской среде. Оказалось, что три журналиста получили взятки за дачу ложных показаний. Естественно, деньги имеют страшную силу. Что нам необходимо для того, чтобы побороть такой метод преследования? Во-первых, нам нужны высокообразованные журналисты. Для телевизионного канала важно оставаться известным и поддерживать безупречную репутацию. В результате многие встанут на твою сторону.

Во-вторых, необходимо, чтобы финансовые дела вашей компании велись просто, ясно и прозрачно. Это также даст вам определенную защиту. В противном случае органы власти могут легко поймать вас на крючок – ведь именно это и является их конечной целью. Нам пришлось доказывать, что мы не нарушили закон и что вся наша деятельность была абсолютно честной.

Вы также должны помнить, что когда приказы отдаются сверху главой администрации района, то все нижестоящие органы, вплоть до судов и милиции, обязаны подчиняться этим приказам, поскольку вопросы бюджетного финансирования этих органов зависят от центральной администрации. Поэтому существует много угроз и много связей на всех уровнях иерархии. По сути дела этих связей так много, что всех их определить невозможно.

В заключение позвольте добавить, что победа в такой битве доставит вам огромную радость и даст невероятную уверенность в себе. В России говорят: если победишь одного врага, наживешь двух, а если отступишь, тебе конец. Важно говорить правду и быть уверенным в ней, глубоко верить в то, что вы говорите, а также быть полностью открытым, излагать всю необходимую информацию и иметь высококвалифицированных правовых экспертов. К счастью, все вышеупомянутые факторы были на нашей стороне. В дополнение к этому нас поддерживала Ассоциация независимых журналистов. Мы получали поддержку на протяжении всего судебного процесса. В итоге я по-

лучила компенсацию за причиненный мне моральный ущерб, и мое дело успешно завершилось. Хочу пожелать вам всем такой же удачи.

В конце я еще раз хочу подчеркнуть, что законам об оскорблении не место в нашем законодательстве. Любые меры защиты от диффамации должны определяться гражданским правом. В конце концов, главная задача журналиста – говорить правду.

Слободан Рельич

Сербия и Черногория: без независимых СМИ демократия остается фикцией

Хочу рассказать вам об одном явлении, которое может показаться парадоксальным. После того как в октябре 2000 года в моей стране произошли демократические перемены, мы стали свидетелями настоящего бума дел о клевете, начатых политиками против масс-медиа и журналистов. Несколько месяцев назад глава Миссии ОБСЕ в Сербии и Черногории посол Маурицио Массари подчеркнул, что в судах страны на рассмотрении находится более 220 дел по обвинению журналистов в клевете. Я думаю, вы согласитесь, что это не очень здоровые условия для функционирования свободных и независимых СМИ.

Еще один парадокс состоит в том, что размеры денежной компенсации морального ущерба, нанесенного так называемой диффамацией, очень велики. К примеру, главному редактору небольшой газеты в Сербии предъявили иск о выплате 60 млн. динаров в качестве компенсации. Эта сумма превышает его среднемесячный заработок в 2 000 раз. Такую сумму этот человек мог бы заработать лишь за 167 лет! Для сравнения, солдат, которого забрали в армию против его воли, и который потерял в сражении ногу, получил недавно государственную компенсацию в 200 000 динаров – менее 3 000 евро!

Дела о клевете представляют собой постоянную угрозу выживанию СМИ. Декриминализация клеветы не решит всех наших проблем, однако она стала бы очень важным шагом в развитии свободы слова, и предоставила бы масс-медиа пространство для независимости. Без независимых СМИ демократия является всего лишь фикцией. Журналисты, испытывающие на себе давление, о котором я говорил, по существу работают в условиях особово вида цензуры. И это – угроза любым общественным дебатам.

Розлана Таукина

Казахстан: усиление давления на критически настроенные СМИ

Я хочу вкратце рассказать о том давлении, которому подвергаются СМИ у меня на родине – в Казахстане, стране, считающейся одной из самых развитых в нашем регионе в области демократического реформирования. Тем не менее, в недавнем прошлом моя страна сделала несколько шагов в обратном направлении. Так за последние 12 лет демократических преобразований мы получили четыре закона о СМИ. Три предыдущих закона вошли в силу путем голосования в поддержку соответствующих законопроектов и последующего принятия последних, хотя с каждой новой «реформой» закон становился все более ограничивающим, предусматривал более строгое регулирование деятельности СМИ и устанавливал более жесткий контроль над ними. Следует заметить, что это происходило и продолжает происходить в стране, в которой СМИ так или иначе лояльны по отношению к правительству.

Злоупотребление законами о клевете и оскорблении является еще одним способом давления правительства на критически настроенные СМИ. Недавно глава регионального отдела Министерства информации в Актюбинске Жасарал Куанышалин подал в суд на местную газету «*Дианазон*» за публикацию статьи, которая, по его мнению, являлась оскорбительной для казахской нации. Куанышалин выиграл дело, и каждый из авторов данной статьи должен был уплатить штраф размером 25 000 тенге за «моральный ущерб». С тех пор «*Дианазон*» неоднократно подвергался различным типам давления со стороны местных органов власти. За последние годы также были возбуждены иски против независимых газет «*Assandi Times*» и «*Время по*», а также против Интернет-газеты «*Навигатор*». К примеру, в этом году против журналистов было подано 20 исков. Сложилась действительно серьезная ситуация : журналистов

сажают в тюрьму и приговаривают к уплате невероятно больших штрафов (сумма штрафов достигает тридцати годовых доходов). Очевидно, что законы о клевете должны быть изъяты из уголовного законодательства.

Я хочу обратиться ко всем вам с большой просьбой. Существует вероятность того, что в декабре 2003 года наш парламент примет отвратительный законопроект о СМИ. Мы предвидим, что соответствующий закон еще эффективнее предыдущих будет душить масс-медиа и затыкать им рот. Мы убеждены в том, что сразу после принятия данного законопроекта на средство массовой информации будет наложено обязательство раскрывать все свои источники информации. Эта мера, безусловно, способна причинить громадный вред журналистам. Более того, в соответствии с новым законом освещение вопросов коррупции будет приравнено к акту диффамации, регулируемому уголовным кодексом. Это означает, что мы, казахстанские журналисты, лишимся возможности расследовать дела о коррупции. Возможно, мы могли бы поспособствовать распространению более подробной информации об этом законопроекте, чтобы таким образом помешать его принятию. Очевидно, что данный закон не будет соответствовать международным стандартам. Он грозит разрушить остатки свободной прессы в нашей стране.*

** Прим. ред.: данный законопроект был отклонен президентом Нурсултаном Назарбаевым 22 апреля 2004 года.*

Фатос Лубонья

Албания: роль гражданских исков в борьбе с критикой

Мой случай несколько отличается от случаев, изложенных ранее, и представляется немного более сложным. Сегодня отдельные выступающие представили нам свои дела, в которых, однако, всегда фигурировало два игрока: правительство или государственные чиновники с одной стороны, и СМИ или журналисты – с другой. В моем случае имеется еще и третий игрок – владелец журнала, для которого я написал статью, – один из самых богатых людей Албании.

Я был колумнистом в албанской ежедневной газете *Shekulli*. Еще до предъявления иска о клевете у меня сложились непростые отношения с владельцем газеты Кочо Кокедхима, который, как я уже заметил, является одним из самых богатых людей в стране. Возможно, причина этой неприязни была в моих критических статьях о связях между представителями политическим финансовым и медиа-эстеблишментом в моей стране, – о том, что я называю «синдромом Берлускони».

15 февраля 2003 года я написал статью под названием «Война в Ираке и албанские политики», в которой я выступил против войны в Ираке и раскритиковал политику премьер-министра Албании, направленную на поддержку США в данном вопросе. Эту статью не напечатали. Главный редактор признался мне, что владелец газеты велел ему не публиковать этот материал, «так как он направлен против нашего большого друга – Соединенных Штатов Америки». У меня были определенные основания полагать, что аргумент о том, что моя статья носила антиамериканский характер, на самом деле был лишь предлогом. Издателю не понравился мой материал, потому что он содержал критику в адрес премьер-министра, с которым издатель был в очень хороших деловых отношениях. В ответ на такой акт цензуры я разослал по всему миру электронное письмо, в

котором разъяснял истинные причины произошедшего. Вскоре мое письмо было опубликовано другой газетой. Несколько дней спустя *Shekulli* опубликовала мой материал о войне в Ираке без моего разрешения.

10 апреля 2003 года Кочо Кокедхима подал против меня гражданский иск. Меня обвинили в трех «клеветнических заявлениях», содержащихся в вышеупомянутом электронном письме: о том, что моя статья подверглась цензуре, о том, что за данным актом цензуры стоял лично владелец газеты Кочо Кокедхима, а также о том, что Кокедхима имел связи с правительством и использовал государственные деньги для своего бизнеса.

Меня приговорили к выплате Кочо Кокедхиме суммы размером около 80 000 долларов США в качестве «моральной и материальной компенсации». Исходя из того, что моя зарплата в *Shekulli* составляла менее 10 000 долларов США в год, такой штраф приблизительно в десять раз превышал мой заработок в газете за три – четыре года.

Алексей Симонов

Одно дело, противоречащее всем остальным

Я хотел бы рассказать вам об одном очень ярком деле, имевшем место в Российской Федерации, которое, с моей точки зрения, опровергает многие вещи, сказанные сегодня в этом зале.

Несколько лет назад в нашу организацию *Фонд защиты гласности* обратился за помощью один журналист. Его приговорили к трем годам лишения свободы, однако он смог убежать (или собирался убежать) до заключения в тюрьму. Ему удалось получить некоторые бумаги суда, в том числе копии обвинения и копии судебного решения, и передать эти бумаги нам. К нашему удивлению, в документах содержался ряд юридических ошибок. По существу документы свидетельствовали о применении абсолютно незаконных методов. Мы подали апелляцию в суд более высокой инстанции, опротестовав решение суда, и выиграли дело.

Позднее мы ознакомились со статьями журналиста, вызвавшими упомянутое обвинение в его адрес. И только тогда мы поняли, что этот человек был профессиональным «убийцей репутации». Газета, которую он представлял, была без сомнения создана в качестве трибуны для открытого ведения кампании, целью которой было опорочить одного кандидата на выборах. Это стало абсолютно ясно после ознакомления с материалами газеты.

На основании вышеописанного опыта я могу подтвердить то, что Весна Алабурич отметила ранее. Сегодня защита журналистов – нелегкая задача. Иногда стоит сначала прочитать, что они написали. Необходимо знать, за что их обвинили в клевете или диффамации.

Клод Муази: Я плохо знаю ситуацию в Российской Федерации за пределами Москвы и Санкт-Петербурга. Я хотел бы спросить у г-на Панфилова, отличается ли чем-нибудь ситуация в регионах России от ситуации в центре? Подвержены ли журналисты в каких-либо отдельных регионах бóльшим угрозам и гонениям, чем в других?

Олег Панфилов: В России сегодня существует две категории журналистов – московские журналисты и журналисты всех остальных городов, в том числе и Санкт-Петербурга. Во-первых, московские журналисты имеют гораздо более высокий заработок – от двух до трех тысяч долларов США в месяц. По всей остальной России среднемесячная зарплата журналиста составляет 60 долларов США.

Другой отличительной чертой московских журналистов является их относительная защищенность в силу того, что в Москве находятся представительства международных институтов и иностранных посольств. Поэтому в Москве по сравнению с провинцией намного легче поднять большой шум и быть услышанным на международной арене. К сожалению, многие правозащитные организации знают очень мало о том, что происходит за пределами Москвы. Я бы сказал, что 80 – 90 % всех конфликтов и споров, имеющих отношение к журналистике и СМИ, случается в провинции. Никто не знает, что происходит с журналистами в регионах. На журналистов оказывается сильное давление со стороны органов местной власти, которая уходит корнями в советскую номенклатуру. После прихода к власти Путина эта номенклатура вновь взяла бразды правления в свои руки. За очень редким исключением практически все иски против журналистов заканчиваются обвинительными приговорами.

Фраймут Дуве: На протяжении не одного года Бюро Представителя по вопросам свободы СМИ пристально следит за судьбой журналистов, расследующих и изобличающих коррупцию, особенно в регионах Российской Федерации. Я более двух лет наблюдал за ходом дела корреспондента региональной газеты *«Белгородская правда»* Ольги Китовой. После того как журналистка опубликовала серию репортажей о нарушениях в исполнении правосудия, а также о сомнительных действиях по приватизации, она подверглась активному физическому и психологическому преследованию со стороны местных правоохранительных органов и прокуратуры. Ее дважды арестовывали. Несколько раз у нее случались нервные срывы, и ей пришлось пройти курс лечения от повышенного давления.

Вскоре после этого Ольге Китовой были предъявлены обвинения по пяти статьям Уголовного кодекса Российской Федерации. Журналистку обвинили в клевете, и в декабре 2001 года Белгородский суд приговорил ее к двум с половиной годам лишения свободы условно. После рассмотрения апелляции Верховный суд Российской Федерации заменил вынесенный приговор двумя годами лишения свободы. Дело Ольги Китовой представляется мне одним из самых ужасных случаев притеснения журналистов в Российской Федерации. Ольга была не единственной, кто попытался противостоять местной вертикали, однако именно действия против нее были особенно жестокими. Несколько раз Ольге угрожали ее убить, однако она ни разу не поддалась давлению.

Я защищал Ольгу Китову во всех испытаниях, через которые она прошла, и несколько раз встречался с ней лично в Москве. Это очень смелая женщина, и я испытываю громадное уважение к ее профессионализму и мужеству. Я поднимал вопрос о ней на каждой официальной встрече с представителями органов государственного управления Российской Федерации – от администрации президента до посла при ОБСЕ. Я также выступал в ее поддержку в министерствах иностранных и внутренних дел, в Верховном суде и в Государственной Думе. Нам удалось привлечь внимание общественности к ее делу, хотя, в ко-

нечном счете, мы не смогли ей помочь. Однако без таких людей, как Ольга, коррупция, глубоко поразившая своими корнями Российскую Федерацию, может полностью поглотить страну. Благодаря Ольге и ее коллегам этого пока не произошло.

Клод Муази: На этом этапе я хотел бы обратиться к аудитории с вопросом. Как вам кажется, что могут сделать такие организации, как ОБСЕ, *Репортеры без границ*, *АРТИКЛЬ 19* и *Всемирный комитет по свободе печати*? Что еще мы можем сделать для того, чтобы законы об оскорблении были изъяты из законодательств наших стран? Что мы можем сделать для отмены законов, используемых диктаторами с целью помешать журналистам выполнять свою работу? Никто не хочет выступить? Означает ли это, что в ваших странах все в порядке? Нет? А, теперь я вижу, что есть желающие выступить.

Тоби Мендель: Сегодня уже было замечено, что законы об оскорблении – в первую очередь, в Европе – абсолютно неприемлемы как элемент права. Во-первых, Европейский Суд постановил, что, согласно объективному праву, законы об оскорблении, цель которых защита репутации, должны предоставлять государственным чиновникам меньшую защиту. Во-вторых, если вас обвиняют в оскорблении главы правительства, а доказательство правдивости сделанного заявления не признается в качестве допустимого средства защиты, это явное нарушение Статьи 10. У нас есть необходимые правовые рамки, правовая база, для достижения нашей цели. Мне кажется, существует значительный пробел в механизме обеспечения соблюдения Европейской конвенции. Я также полагаю, что первостепенная обязанность в этой области лежит на Совете Европы, в частности на Совете министров Совета Европы, – органе, несущем ответственность за соблюдение Европейской конвенции по защите прав человека.

Обеспечить соблюдение Европейской конвенции можно несколькими путями, и мы можем их сегодня обсудить. Возможно, определенную роль в этом процессе может сыграть и ОБСЕ. В конце концов, существует рекомендация Совета Европы по реализации права на информацию, которая предлагает государ-

ствам-участникам рамочное поле для принятия законов о свободе информации. Таким образом, мы можем начать с вопроса: а почему бы не представить официальную рекомендацию государствам-участникам отменить законы, противоречащие Европейской конвенции?

Теперь я хотел бы вкратце затронуть вопрос общего характера. Известно два способа, при помощи которых можно добиться изменения законодательства, – посредством судопроизводства и путем принятия мер по консолидации общественной поддержки, направленных на законодательную ветвь власти. Я думаю, что в данном случае возможно активное применение обоих подходов. Определенно, существует целый ряд возможностей для консолидации общественной поддержки. *Артикль 19* всегда проявляет значительный интерес к возможности внесения изменений через судебный процесс, однако мы сталкиваемся с большими трудностями в финансировании этой деятельности – возможно, такие меры не совсем соответствуют параметрам финансовой деятельности соответствующих организаций – ведь судебные дела часто длятся более года. Я думаю, что ограниченные финансовые возможности сузили спектр нашей деятельности в этой области. В данный момент мы рассматриваем возможность реализации проекта в этой сфере совместно с Александром Кашумовым, хотя финансовых средств на него у нас пока нет. Мы решили реализовать данный проект в любом случае, однако без адекватного финансирования многого нам не достичь. Я думаю, нам стоит задуматься и над этой проблемой. По какой-то непонятной причине получить финансирование для консолидации общественной поддержки и организации кампании намного проще, чем для реализации этой цели посредством судебного процесса, в то время как оба эти метода могли бы работать параллельно, и это надо уверенно предложить в качестве стратегии.

Фраймут Дуве: Я хотел бы воспользоваться этой возможностью и проинформировать вас о Фонде правовой защиты им. Вероники Гуэрин, который предоставляет поддержку преследуемым журналистам в государствах-участниках ОБСЕ. Фонд

назван в честь ирландской журналистки Вероники Гуерин, освещавшей тему организованной преступности в ирландской газете *Sunday Independent*. Гуерин была убита 26 июня 1996 года. Фонд получает финансовую поддержку от государств-участников ОБСЕ, правозащитных организаций и частных лиц и видит свою миссию в оказании помощи нуждающимся журналистам путем предоставления им соответствующей правовой защиты. Характерные дела с участием журналистов будут направляться в Фонд представительствами ОБСЕ на местах и пользующимися доверием неправительственными организациями.

Рекомендации

**Представитель ОБСЕ по вопросам свободы
средств массовой информации
Законы о клевете и оскорблении:
Что еще можно сделать для
декриминализации клеветы и отмены
законов об оскорблении?
24 - 25 ноября 2003 года, Париж**

Участники Круглого стола по вопросам законодательства о клевете и оскорблении, организованного Бюро Представителя ОБСЕ по вопросам свободы средств массовой информации и организацией *Репортеры без границ*, прошедшего в Париже 24 – 25 ноября 2003 года, обсудили законодательство о клевете, существующее в государствах-участниках ОБСЕ. Были приняты во внимание международные стандарты в области свободы выражения мнения, в том числе Статья 19 Всеобщей декларации прав человека ООН, а также единые для государств-участников ОБСЕ стандарты и обязательства. Основное внимание было уделено вопросу декриминализации клеветы и отмены законов об оскорблении, обеспечивающих чрезмерную защиту должностных лиц.

Участники круглого стола единогласно пришли к мнению о том, что чрезмерно частое применение правовых норм о клевете и оскорблении, а также злоупотребление ими с целью защиты органов власти или подавления СМИ, являются очевидными нарушениями права на свободу выражения мнения и на распространение информации и как таковые достойны осуждения.

Участники круглого стола одобрили следующие рекомендации правительствам/официальным лицам, законодательным и судебным органам, а также финансирующим организациям в странах-участниках ОБСЕ:

Правительствам/официальным лицам:

- Правительства должны поддержать декриминализацию клеветы и отмену так называемых законов об оскорблении, устанавливающих особую защиту «чести и достоинства» должностных лиц.
- Потерпевшая сторона должна нести бремя судебного иска о диффамации на всех этапах судопроизводства; государственные прокуроры не должны участвовать в данном процессе.
- Государственные чиновники, в том числе высшие должностные лица, должны быть в большей степени открыты общественному надзору и критике. Они должны воздерживаться от подачи исков о диффамации в адрес СМИ. Подобные иски не должны инициироваться с целью «наказать» СМИ.

Законодательным органам:

- Законы, предусматривающие уголовную ответственность за клевету и диффамацию, должны быть отменены и в случае необходимости заменены соответствующими гражданско-правовыми нормами.
- В случаях, когда законодательство сохраняет положения об уголовной ответственности за клевету и диффамацию, следует применять принцип презумпции невиновности.
- Так называемые законы об оскорблении, в особенности те из них, которые обеспечивают непропорциональную защиту должностных лиц, должны быть отменены.
- Гражданско-правовые нормы о диффамации в случае необходимости должны быть изменены с целью соответствия следующим принципам:
 - право на подачу исков о диффамации должны иметь только физические и юридические лица, а не общественные организации или государственные органы;

- государственная и другая символика (флаги, религиозные символы и т.д.) не должны подпадать под защиту законов о диффамации;
- в деле о диффамации доказательство истинности утверждения должно рассматриваться как полное освобождение от ответственности;
- если опубликованная информация представляет общественный интерес, ответчики в исках о диффамации должны иметь право на защиту *оправданной публикации*, подразумевающей, что публикация и распространение данных сведений были обоснованы даже в том случае, если впоследствии они оказались ошибочными; и
- должен быть введен приемлемый «потолок» – максимально возможный размер штрафа за диффамацию исходя из экономической ситуации в стране на данный момент.

Судебным органам:

- Акт диффамации должен интерпретироваться узко и по возможности ограничиваться рассмотрением изложенных фактов, а не мнений.
- В тех случаях, когда клевета является уголовно-наказуемым правонарушением, должен применяться принцип презумпции невиновности, с тем чтобы обязать сторону, подающую иск, доказать все элементы состава правонарушения, в том числе и то, что распространенные сведения являются ложными, что их ложность была заведомо известна, или что их достоверность не была проверена по небрежности, и что сведения были опубликованы с целью причинения вреда.
- В случаях, когда клевета является уголовно-наказуемым правонарушением, суды должны воздерживаться от вынесения приговоров о тюремном заключении, включая условные сроки.
- Мерам наказания, не предусматривающим наложение штрафа, включая внесудебное урегулирование спора между сторонами, должно отдаваться предпочтение по сравнению с

мерами материального характера, если таковые способны возместить причиненный вред.

- Меры наказания материального характера должны налагаться в случае отсутствия возможности применить средства саморегуляции и другие меры нематериального характера. Любые материальные меры наказания должны быть пропорциональны и должны соответствовать лишь нанесенному ущербу, без наличия карательной функции.
- Законы о диффамации не должны применяться с целью довести средство массовой информации до банкротства.

Финансирующим организациям:

- Финансирующие организации при предоставлении помощи странам-участникам ОБСЕ должны учитывать, что некоторые правительства подавляют свободу выражения мнения, в частности, путем злоупотребления правовыми нормами о клевете.

Джейн И. Киртли
Вводная статья

Уголовно-наказуемая диффамация: «инструмент разрушения»

Свобода информации считается основным правом в демократическом обществе. Право прессы освещать и комментировать общественно-важные вопросы чрезвычайно важно для постоянного информирования электората.

Однако мы часто слышим о том, что свобода информации не является абсолютной. Ни один человек и ни одно средство массовой информации не имеют права без последствий для себя публиковать заведомо ложные сведения о другом человеке, которые могут причинить ему вред. Те, чьей репутации эти публикации причинили ущерб, должны иметь право на возмещение ущерба в соответствии с нормами гражданского права. В противовес этому законы об уголовном преследовании за клевету представляют собой жалкое и отжившее наследие авторитарных, тоталитарных и колониальных государств. Их не должно быть ни в одном обществе, заявляющем о своей поддержке концепции свободы выражения мнения. Уголовно-наказуемая клевета пагубна для демократии, так как она душит инакомыслие и дебаты, карая легитимную критику государственных чиновников и институтов. Зачастую уголовно-наказуемая клевета служит одной единственной цели – предоставить правительству и государственным чиновникам возможность путем запугивания или применения санкций уже после выхода материала помешать журналистам, ученым и рядовым гражданам высказывать критические взгляды, которые могут быть признаны оскорбительными или дискредитирующими. Хотя право личности на защиту репутации, на первый взгляд, может показаться делом первостепенной важности, материальная компенсация, соответствующая нанесенному ущербу, более чем доста-

точна для полного удовлетворения вреда, нанесенного интересам лица.

Исторический обзор. Современные законы о клевете уходят своими корнями во времена Римской Империи, когда за клевету карали смертью.¹ В XIII веке, в соответствии с английским законодательным актом *De Scandalis Magnatum* (1275 г., 3 Edw. 1, Stat. West. Prim. С. 34), тюрьма грозила тем, кто «[рассказал] ложные истории или опубликова[л] ложные новости». В 1488 году, одновременно с изобретением печатного станка, печально известный суд Звездной палаты разработал правила уголовно-наказуемой клеветы для применения в общем праве. Хотя изначально законы, предусматривающие уголовную ответственность за клевету, предназначались для защиты монархов и аристократов от критики или оскорбления в их адрес, эти законы позже стали применяться и в отношении информации неполитического характера, дискредитирующей частных лиц.² Правила о клевете оставались в общем праве Англии вплоть до середины XIX века и впоследствии были введены и в американских колониях.

В это же время в Европе появляются законодательные акты, подобные французскому Закону «О печати» 1881 года, предусматривающие уголовное наказание за причинение вреда репутации личности, а также за оскорбление президента, представителей судебной власти и других членов правительства. Многие страны приняли подобные законодательные акты, следуя модели гражданского кодекса.³

Обоснование существования в прошлом законов об уголовной ответственности за клевету представляется противоре-

¹ Yanchukova, Elena, “Criminal Defamation and Insult Laws: An Infringement on the Freedom of Expression in European and Post-Communist Jurisdictions,” 41 *Colum. J. Transnat’l L.* 861 (2003).

² См., например, *De Libellis Famosis*, 5 Coke 125a, 77 Eng. Rep. 250, 251, cited in MLRC Bulletin, “Criminalizing Speech About Reputation: The Legacy of Criminal Libel in the U.S. After Sullivan and Garrison,” at 1 (March 2003).

³ См. сн. 1 Yanchukova, at 863.

чащим нашему сегодняшнему пониманию их смысла и восприимчивости. По своей сути уголовно-наказуемая клевета выступала в роли основного орудия борьбы с нарушениями мира и спокойствия, связанными с дуэлями или бунтами с участием людей, искавших возмездия за посягательство на свою честь и достоинство. «Фактическая или предполагаемая диффамация является причиной большинства конфликтов, с которыми еще не удалось справиться никакому закону».⁴

Дуэльный поединок больше не представляет собой реальной угрозы, однако большинство стран под различными предложениями сохраняют в своих сводах законов положения об уголовной ответственности за клевету. Например, в Германии законы об уголовной ответственности за клевету были признаны обязательными для защиты права личности на честь и достоинство, гарантированного Основным правом немецкой Конституции.⁵ Позиция Португалии состоит в том, что долг государства – защитить репутацию личности и что уголовное право является подходящим инструментом защиты.⁶

В тоталитарных республиках бывшего СССР уголовно-наказуемая клевета использовалась как инструмент подавления антиреволюционных действий. А совсем недавно существование законов об уголовном преследовании за клевету было оправдано как средство защиты зарождающихся демократий от деструктивной критики, вызывающей «недоверие со стороны народа, апатию и неучастие в политическом процессе».⁷

Какие бы причины, оправдывающие уголовное преследование за распространение ложных и дискредитирующих сведе-

⁴ Livingston, Edward, "A System of Penal Law for the State of Louisiana," (1833), *cited in Garrison v. Louisiana*, 379 U.S. 64, at 68 (1964).

⁵ См. Quint, Peter E., "Free Speech and Private Law in German Constitutional Theory," 48 *Md. L. Rev.* 247 at 295 (1989), *cited in Yanchukova*, *supra* note 1, at 869.

⁶ Case of *Lopes Gomes Da Silva v. Portugal*, Eur. Ct. H.R. Sept. 28, 2000, *cited in Yanchukova*, *supra* note 1, at 869.

⁷ См. Foster, Frances H., "Information and the Problem of Democracy: The Russian Experience," 44 *Am. J. Comp. L.* 243 at 253-256 (1996), *cited in Yanchukova*, *supra* note 1, at 870.

ний в адрес частных лиц, ни существовали, нет никакого оправдания применению тех же санкций в случаях, когда институты правительства выступают в качестве объекта осуждения или насмешки. Репутация правительства, которое «справедливо» и «несправедливо» критикуют, не страдает, а, наоборот, становится прочнее.⁸

Опыт США. Уголовный процесс против типографа Джона Питера Зенгера был самым известным случаем преследования за клевету в Америке колониальной эпохи. Зенгер напечатал номера газеты *New York Weekly Journal* с критикой в адрес колониального губернатора, уволившего главного судью, который вынес решение не в его пользу. Благодаря усилиям адвоката Зенгера Эндрю Гамильтона, присяжные проигнорировали предостережение председательствующего судьи о том, что достоверность утверждения не предусматривает полного снятия обвинения, и оправдали Зенгера.

После установления независимости в соответствии с «Законом о мятежах» 1798 года публикация ложных, скандальных и злых статей о правительстве, Конгрессе и президенте стала федеральным преступлением. Хотя Закон утратил силу еще в 1801 году, только в 1964 году Верховный суд США в деле «*Нью-Йорк Таймс против Салливана*» заявил, что законы об уголовном преследовании клеветы противоречат свободе слова и печати, гарантированной Конституцией США.⁹ Как отметил судья Вильям Бреннан, в демократическом обществе в основе потребности граждан в информации лежит безоговорочная приверженность нации принципу, согласно которому, дискуссии по общественно-важным вопросам должны проходить без препятствий в оживленной атмосфере и должны быть открытыми для широкой публики. Такие дискуссии могут включать яростные, язвительные, а иногда и неприятно острые на-

⁸ См. *New York Times v. Sullivan*, 376 U.S. 254 (1964).

⁹ *Id.*

падки на представителей правительства или государственных чиновников.¹⁰

В то же время высший суд отказался признать, что все законодательные акты, предусматривающие уголовную ответственность за диффамацию, являются антиконституционными. В деле *«Гаррисона против Луизианы»*¹¹ Верховный суд подверг резкой критике законодательный акт об уголовной ответственности штата Луизиана в силу того, что он ограничивал возможность использования факта достоверности опубликованной информации в качестве средства защиты от обвинения и не предусматривал наличие истинного злого умысла, под которым подразумевалось бы то, что ложность публикуемых сведений была заведомо известна или то, что публикуемые факты не были проверены по небрежности, как это требовалось в гражданских делах по примеру дела Салливана. Судья Бреннан, однако, подчеркнул, что «в делах о клевете в адрес частных лиц, никоим образом не относящихся к общественно-важным вопросам, на карту могут быть поставлены интересы абсолютно другого плана».¹² Вследствие этого за каждым штатом осталось право сохранить действующий или ввести в силу новый закон об уголовной ответственности за клевету, если таковой соответствовал требованиям Конституции.

На протяжении последующих десятилетий 16 штатов, а также округ Колумбия отменили законы, предусматривавшие уголовную ответственность за клевету.¹³ Суды остальных штатов подвергли соответствующие законы резкой критике в силу их несоответствия нормам Конституции и в силу других причин. В результате лишь 17 из 50 штатов сохраняют в своем уголовном законодательстве нормы о клевете. Однако в большинстве этих штатов данные законы либо применяются исключительно в случаях клеветы в адрес частных лиц, либо существу-

¹⁰ Id. at 270.

¹¹ 379 U.S. 64 (1964).

¹² Id. at 72, n. 8.

¹³ *MLRC Bulletin*, supra note 2, at 12.

ют лишь «на бумаге», а в действительности не применяются.¹⁴ Согласно данным Ресурсного центра в области медиа-права, в 2000 году в США было инициировано пять уголовных дел о клевете, что составило 0,00003 процента от 14,5 млн. всех уголовных дел, рассмотренных судами штатов.¹⁵

Тем не менее в некоторых штатах уголовное преследование за клевету все еще возможно. Так в 2002 году издатель и редактор альтернативной газеты *The New Observer* были признаны виновными в диффамации на основании публикации серии статей, в которых говорилось о том, что мэр города Канзаса, повторно участвовавший в выборах, проживал за пределами графства в нарушение законодательства Канзаса. Оба журналиста были приговорены к уплате штрафа размером 3500 долларов США и к одному году условного лишения свободы без надзора. Исполнение наказания было приостановлено в связи с рассмотрением апелляции.¹⁶

Опыт Европы. Законодательства всех западноевропейских стран содержат те или иные положения о диффамации или оскорблении, однако последние значительно отличаются друг от друга как по своему масштабу, так и по частоте применения. Также законы, предусматривающие уголовное наказание в виде уплаты штрафа или лишения свободы сроком до шести лет, отличаются и от американского подхода, в силу того что в делах о диффамации достоверность заявленных фактов обычно не рассматривается как средство защиты, приводящее к полному снятию обвинения.

Хотя уголовно-наказуемая клевета остается в законодательстве Великобритании, к уголовной ответственности в делах о диффамации в этой стране привлекают редко, отчасти потому что, согласно процедурным требованиям, истец, представляю-

¹⁴ Id. at 15.

¹⁵ *MLRC Bulletin*, supra note 2, at 36.

¹⁶ *Kansas v. Carson*, No. 01-CR-301 (Kansas Dist. Ct. Wyandotte County July 17, 2002) (unreported).

щий частное лицо, должен получить разрешение судьи Высокого суда на инициирование судопроизводства.¹⁷ Средством защиты для потерпевших сторон продолжают служить гражданские иски о клевете.

Схожая ситуация наблюдается в Дании, Норвегии, Нидерландах и Швеции, где законы об уголовной ответственности за диффамацию в отношении представителей прессы применяются крайне редко. В то же время в Австрии, Испании, Греции и Турции к соответствующим законам прибегают часто.¹⁸ Хотя Франция, Германия и Италия сохраняют в своих законодательствах нормы, устанавливающие уголовную ответственность за диффамацию, интерпретируются они обычно узко.¹⁹

Статья 10 и Европейский Суд по правам человека (ЕСПЧ). В соответствии со Статьей 10 Европейской конвенции по защите прав человека и основных свобод (далее Конвенция) свобода выражения мнения является всеобщим, но не абсолютным правом. Согласно Статье,

[к]аждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ...

Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступле-

¹⁷ См. Feigelson, Jeremy and Bierbauer, Erik, "Criminal Defamation: International Reforms Advance Against a Global Danger" at 117 (2002) (available at <<http://216.147.196.167/projects/feigelson.pdf>>).

¹⁸ См. Yanchukova, supra note 1, at 871-875.

¹⁹ Id.

ний, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия.

ЕСПЧ рассматривает жалобы о посягательстве на гарантированные Конвенцией права со стороны национальных судов стран, одобрявших Конвенцию. До подачи апелляции в ЕСПЧ заявители должны исчерпать имеющиеся внутренние средства защиты. Жалоба должна быть направлена в установленное законом время. Хотя ЕСПЧ не имеет полномочий отменить или изменить решение национального суда, он, однако, может присудить «справедливую компенсацию» в пользу заявителя, в том числе возмещение уплаченного штрафа и/или судебных издержек.²⁰ Решения Суда обязаны исполнять все государства, подписавшие Конвенцию.

Для того чтобы определить, действительно ли права заявителя были нарушены, ЕСПЧ использует тест, в котором задаются следующие три вопроса: установлено ли такое ограничение законом, служит ли оно легитимной цели и является ли оно необходимым в демократическом обществе? Поскольку Суд не один раз признавал обвинения в уголовно-наказуемой клевете несоответствующими международным стандартам права, можно говорить о том, что Конвенция оказала значительное влияние на правоприменительную практику в области диффамации в 45 странах, входящих в Совет Европы и ратифицировавших Конвенцию.

Приведем несколько примеров сказанному выше:

В деле «*Лингенса против Австрии*»²¹ Суд признал не соответствующим нормам международного права обвинительный приговор в диффамации, вынесенный издателю австрийского

²⁰ Korzenik, David and Houck, Mona, "An American Lawyer's Comparative Introduction to the Developing Law of the European Court of Human Rights in Libel Cases," at 42, *MLRC Bulletin* (September 2003).

²¹ 103 Eur. Ct. H.R. (Ser. A); 8 Eur. H.R. 407 (1986).

журнала, в котором была опубликована статья о тогдашнем канцлере Австрии. ЕСПЧ постановил, что любой политик «неизбежно и заведомо» соглашается с тем, что его деятельность становится открытой для общественного контроля, осуществляемого посредством работы журналиста. Вследствие этого политики должны демонстрировать терпимость к более острой критике в их адрес. Суд также постановил, что бремя доказывания лежит на потерпевшей стороне, а не на авторе, и предостерег, что приговоры, подобные тому, который был вынесен Лингенсу, оказывают «сдерживающее воздействие» на прессу и становятся препятствием для выполнения журналистами своей прямой функции – стоять на страже интересов общества.

Дело «*Кастеллса против Испании*»²² касалось закона об оскорблении, однако оно представляется не менее важным. Рассматривая приговор, вынесенный испанскому сенатору за его обвинения в адрес правительства, защитившего полицейского, убившего баскских сепаратистов, ЕСПЧ постановил, что границы допустимой критики для правительства еще шире, чем для политиков.

В деле «*Далбана против Румынии*»²³ Европейский Суд постановил, что обвинение в адрес издателя журнала, в котором были опубликованы статьи о противозаконных действиях главы государственной сельскохозяйственной компании, было вынесено в нарушение Статьи 10, поскольку, несмотря на то, что опубликованные в материалах сведения и «не соответствовали действительности», они касались вопроса, представляющего общественный интерес, и потому публикация репортажей являлась реализацией первостепенной функции СМИ в демократическом обществе.

Однако вопреки сложившемуся представлению, Европейский Суд принимает решения не только в пользу заявителя. Так ряд других решений указывает на, что, к примеру, судьи в соответствии с международными правовыми нормами не обязаны

²² 236 Eur. Ct. H.R. (Ser. A) (1992).

²³ No. 28114/95 (1999), <<http://www.echr.coe.int/Eng/Judgments.htm>>.

проявлять терпимость к критике в такой же степени, в какой ее должны проявлять представители правительства или политические деятели.²⁴ Тем не менее, можно справедливо отметить, что в общем решении ЕСПЧ «укрепили принцип, согласно которому журналисты имеют право на полномасштабное освещение деятельности официальных лиц и вопросов, представляющих общественный интерес».²⁵

Опыт стран Восточной Европы и Центральной Азии. В посткоммунистических странах Восточной и Центральной Европы и Азии картина иная. Хотя отдельные страны (такие как Хорватия, Молдова и Украина) отменили законы, устанавливающие уголовную ответственность за клевету, большинство стран бывшего коммунистического блока сохраняют данные законодательные акты в своих кодексах, а в отдельных государствах сегодня наблюдается применение более жестких мер наказания за соответствующие правонарушения, чем в советскую эпоху. Елена Янчукова подготовила замечательный обзор современной ситуации в области уголовно-наказуемой диффамации в этих странах.²⁶

Янчукова характеризует отдельные страны весьма дипломатично. Она пишет, что Беларусь, Азербайджан, Узбекистан, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан и Туркменистан достигли «меньшего прогресса» в области свободы слова. За последние годы во всех вышеназванных странах против журналистов возбуждались судебные дела, в результате которых представители СМИ были признаны виновными в уголовно-наказуемой клевете. Согласно Янчуковой, в таких странах, как Российская Федерация, Армения, Албания и Румыния, преследование в уголовном порядке за клевету либо уже имело место, либо соответствующие дела находятся в судах на рассмотрении, в то время как в Федеральной Республике Югославия преследование в

²⁴ См., к примеру, *Barfod v. Denmark*, 149 Eur. Ct. H.R. (Ser. A) (1989).

²⁵ См. Feigelson, *supra* note 16, at 119, and cases cited therein.

²⁶ См. Yanchukova, *supra* note 1, at 883-891.

уголовном порядке за клевету продолжает порождать «самоцензуру». Она далее отмечает, что практически все страны региона, которые организация *Freedom House* определила как имеющие «свободную прессу» (Болгария, Эстония, Венгрия, Чешская Республика, Польша, Латвия, Литва, Словакия и Словения), сохраняют положения об уголовной ответственности за клевету или оскорбление, а иногда и за оба вышеупомянутых правонарушения. Хотя данные положения «применяются не часто», они тем не менее способствуют самоцензуре.²⁷

Янчукова предполагает, что для таких стран лучший путь трансформации в полноценные демократии заключается в ратификации существующих договоров о правах человека и конвенций и следование им. Она отмечает, что в странах, которые ратифицировали Конвенцию в период с 1991 по 1994 годы, – Польше, Словении, Словацкой Республике, Болгарии и Чехии – пресса получила оценку «свободная», в то время как пресса других стран, таких как Армения, Азербайджан, Российская Федерация и Украина, ратифицировавших Конвенцию позже, остается лишь «частично свободной».

Следует признать, что ратификация Конвенции является только первым шагом на этом пути. Как отмечено выше, ЕСПЧ не всегда признавал, что обвинения в уголовно-наказуемой клевете противоречили Статье 10. Конвенция и, в свою очередь, ЕСПЧ помогают установить баланс между интересами субсидиарности и универсальности, который заключается в удовлетворении легитимных интересов различных стран и в уважении к отличиям между ними, а также во внедрении единых и всеобщих стандартов в области прав человека для всех стран, подписавших Конвенцию.²⁸

Последние дни законов об уголовном преследовании клеветы? Герберт Векслер, профессор юридического факультета Колумбийского университета в Нью-Йорке (который позднее

²⁷ Id. at 889-890.

²⁸ См. Korzenik, *supra* note 19, at 44.

обратился к Верховному суду США с аргументацией по делу «*Нью-Йорк Таймс против Салливана*»), начал однажды проект по созданию модели уголовного кодекса для Американского института права, взяв на себя обязанности главного докладчика. В комментарии к законопроекту он отметил следующее:

Очевидно, что уголовные санкции не могут быть оправданы лишь тем, что диффамация является злом или причиняет вред репутации личности, подталкивающий к подаче гражданского иска. Обычно к уголовному праву прибегают в случае вопиюще опасного поведения, когда общество перестает ощущать себя в безопасности... Представляется очевидным, что в США клевету в адрес частного лица нельзя назвать ни злом, ни демонстрацией вопиюще опасного поведения, в силу чего рассматривать клевету как уголовное преступление представляется неправомочным. По-видимому, это и является причиной малого числа уголовных дел по обвинению в клевете и фактического отсутствия практики применения уголовного законодательства в этой области против частных лиц в США.²⁹

Почему же тогда законы о клевете не только продолжают существовать, но и успешно противостоят попыткам компетентных судебных органов их отменить? Как уже отмечалось в этой статье, правовые нормы, предусматривающие уголовную ответственность за клевету, уходят корнями во времена авторитаризма и автократии, когда отсутствовали терпимость к инакомыслию и доверие к общественному мнению. Соответствующие законы препятствовали распространению той информации о правителях, которая могла послужить толчком к общественным волнениям и мятежам. Таким образом, они использовались для осуществления контроля над общественными массами и удержания их в определенных рамках. Эти законы также рассматривались как «мирная альтернатива дуэли и другим насильственным формам самозащиты».³⁰ По мере созревания демократиче-

²⁹ Model Penal Code, Tent. Draft No. 13, 1961, §§ 250.7, Comments, at 44, cited in *MLRC Bulletin*, supra note 2, at 8

³⁰ *MLRC Bulletin*, supra note 2, at 31.

ского общества уголовное преследования клеветы представлялось все менее подходящим инструментом контроля и защиты. Оно больше не является целесообразным в нашем современном мире. Верховный суд США и ЕСПЧ пришли к заключению, что при рассмотрении уголовных дел о клевете соответствие приведенных фактов действительности должно служить абсолютной защитой и вести к полному снятию обвинения. Следуя этому заключению, эффективность законодательных актов об уголовной ответственности за клевету в охране общественного спокойствия вызывает большие сомнения, а традиционное оправдание их существования не представляется недействительным. В результате преследование в уголовном порядке превратилось в нечто подобное суррогату гражданских исков о клевете. Однако, как отмечают многие авторы, уголовные санкции не предоставляют соответствующей защиты от причиненного репутации вреда, ведь целью их, скорее, является возмездие, а не компенсация ущерба, нанесенного потерпевшей стороне.³¹ Проще и целесообразнее было бы компенсировать причиненный ущерб в рамках гражданского судопроизводства.

Меры наказания, предусмотренные уголовными кодексами, – штрафы и лишение свободы – представляют значительную угрозу свободе выражения мнения и свободному потоку информации. Журналисты, боясь наказания, будут более склонны к самоцензуре, которая, в свою очередь, станет препятствием для политических дискуссий, лежащих в основе любого демократического общества.

Несомненно, именно этого и хотят правительства стран, в которых до сих не только сохранились, но и применяются законы об уголовной ответственности за клевету. Краткий обзор ситуации за последние время, приведенный ниже, в данном контексте показателен:

³¹ См., к примеру, ABA-Africa Law Council, “Analysis of the Law of Defamation for the Republic of Algeria” at 10 (July 24, 2002).

Российская Федерация. 7 октября 2003 года Суд Калининского района Челябинска подтвердил ранее вынесенный журналисту Герману Галкину обвинительный приговор за клевету и оставил в силе наказание в виде исправительных работ сроком в один год. Данный случай напоминает недавно упомянутое дело американского колониста Джона Питера Зенгера. Галкин был издателем газеты, которая якобы оскорбила вице-губернатора области. Имя Галкина, однако, не фигурировало среди авторов статьи, а сам издатель отрицал свою причастность к их написанию.³²

Беларусь. В июне 2002 года незадолго до выборов журналистов Миколу Маркевича и Павла Можейко обвинили в распространении клеветнических сведений о президенте страны Александре Лукашенко, а также в публикации заявления незарегистрированной общественной организации. Оба журналиста были приговорены к исправительным работам на срок в два с половиной и два года соответственно; впоследствии срок был сокращен до одного года каждому. Другого журналиста, Виктора Ивашкевича, также обвинили в распространении клеветнических сведений о президенте за статью, обвинявшую Лукашенко в коррупции. Ивашкевич получил похожий приговор.³³

Азербайджан. Ровшан Кабирли и Яшар Агазаде были обвинены в уголовно-наказуемой клевете в адрес брата президента страны Гейдара Алиева и приговорены в мае 2003 года к пяти месяцам тюремного заключения. Хотя впоследствии они были амнистированы и выпущены на свободу, оба журналиста до сих пор сохраняют статус осужденных.³⁴

Как отмечают Джеймс Оттавей и Леонард Маркс, «демократические лидеры расстраиваются от нелестных репортажей

³² Committee to Protect Journalists, “2003 news alert: Federal court upholds journalist’s conviction” (Oct. 7, 2003).

³³ Committee to Protect Journalists, “2003 news alert: Court amends imprisoned journalist’s sentence” (March 7, 2003).

³⁴ Committee to Protect Journalists, “2003 news alert: Independent journalists convicted for libelling president’s brother” (May 22, 2003).

так же, как и диктаторы».³⁵ Общее, связывающее все эти дела и подобные им случаи в Европе, Азии и даже в США, заключается в том, что чиновники, избранные народом, не хотят мириться с критикой в свой адрес и стремятся прибегнуть к силе закона для ее подавления.

Заключение. В таком же ключе судья Верховного суда США Вильям О. Дуглас в деле об уголовно-наказуемой клевете «*Гаррисон против Луизианы*» с горечью заметил, что Билль о правах Конституции США «постоянно» находится под угрозой «оказаться «разбавленным» усилиями большинства уравновесить абсолютно четкую формулировку Первой поправки³⁶ «и то, что судьи считают нужным для поддержания порядка в обществе».³⁷ С его точки зрения, особо пагубной для общества является терпимость, проявляемая к уголовным делам о клевете, открытым по заявлениям государственных чиновников, в результате которых тот, кто «вызвал гнев ведущей партии» неизбежно «объявлялся клеветником».³⁸

Дуглас напомнил своим коллегам, что современная доктрина общего права в области «подстрекательской клеветы» является творением пресловутого суда Звездной палаты. В заключение он заявил: «Вызывает беспокойство тот факт, что один из инструментов разрушения суда Звездной палаты используется сегодня в этой стране».³⁹

Дуглас не преувеличивал. Уголовно-наказуемая клевета является ни чем иным как «инструментом разрушения». Этот инструмент используется для «разрушения» диалога и дискуссий, а также для подавления инакомыслия. Ему не место в обществе, называющем себя демократическим.

³⁵ Weldon, Ruth, *Insult Laws: An Insult to Press Freedom*, at 4 (World Press Freedom Committee, 2000).

³⁶ “Congress shall make no law . . . abridging the freedom of speech, or of the press . . .” U.S. Const. amend. I.

³⁷ 379 U.S. 64 at 81-82 (1964).

³⁸ *Id.* at 82.

³⁹ *Id.*

Авторы и докладчики

Зураб Адеишвили – эксперт по законодательству в сфере СМИ в Грузии, назначен Министром государственной безопасности в 2004 году

Весна Алабурич – юрист из Хорватии

Андрей Бастунец – заместитель председателя Белорусской ассоциации журналистов (БАЖ), Беларусь

Фраймут Дуве – Представитель ОБСЕ по вопросам свободы СМИ в 1997 – 2003 гг.

Миклош Харати – действующий Представитель ОБСЕ по вопросам свободы СМИ

Эльмар Гусейнов – главный редактор еженедельника «*Монитор*», Азербайджан

Фатос Лубонья – независимый журналист, Албания

Ана Карлсрайтер – менеджер по проектам Бюро Представителя ОБСЕ по вопросам свободы СМИ

Александр Кашумов – юрист «*Программы по доступу к информации*», Болгария

Джейн И. Критли – Почетный профессор журналистской этики и права им. Дж. Д. Силха, Директор Центра им. Дж. Д. Силха по изучению журналистской этики и права, факультет журналистики и массовой коммуникации Университета Миннесоты, Миннеаполис, США

Рональд Ковен – Представитель Европы во *Всемирном комитете по свободе печати*

Робер Менар – генеральный секретарь организации *Репортеры без границ*, Франция

Тоби Мендель – Директор юридических программ организации *АРТИКЛЬ 19*

Эльвира Меженная – главный редактор телевизионного канала «Ярославль 1», Российская Федерация

Милена Милотинова – председатель Комитета по вопросам СМИ Национального собрания Республики Болгария

Клод Муази – член совета *Репортеров без границ*, Франция

Мартин Островски – эксперт в области права организации *Репортеры без границ*, Франция

Олег Панфилов – директор Центра экстремальной журналистики, Российская Федерация

Кристоф Пуарель – глава Отдела СМИ в Совете Европы

Слободан Рельич – главный редактор еженедельника «НИИ», Сербия и Черногория

Алексей Симонов – президент Фонда защиты гласности, Российская Федерация

Розлана Таукина – президент казахстанского общественного фонда «Журналисты в опасности», Казахстан

Ханна Вуокко – советник Представителя ОБСЕ по вопросам свободы СМИ

www.osce.org/fom

Зураб Адеишвили
Весна Алабурич
Андрей Бастунец
Ханна Вуокко
Фраймут Дуве
Александр Кашумов
Джейн И. Киртли
Рональд Ковен
Фатос Лубонья
Эльвира Меженная
Робер Менар
Тоби Мендель
Милена Милотинова
Клод Муази
Мартин Островски
Олег Панфилов
Кристоф Пуарель
Слободан Рельич
Алексей Симонов
Розлана Таукина
Миклош Харасты
Эльмар Хусейнов